

Обменный курс ДУШ

ТАИСИЯ ЛОГОВСКАЯ

Таисия Логовская

Обменный курс душ

<https://litres.ru/73298258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я была лучшим хирургом на Земле, но теперь мой скальпель называют варварством. Один странный медальон, и я просыпаюсь в теле юной адепки Мираны в мире, где вместо вен — магические каналы, а лекарства — бесполезные молитвы.

Валерион Дархольд — властный лорд-ректор Академии, живое воплощение льда и силы. Но под безупречным мундиром скрывается страшная тайна: его кровь превращается в кислоту, а магия выжигает его изнутри. Местные лекари ждут чуда, но я вижу лишь неизлечимый некроз.

Между нами нет ничего общего, кроме опасной связи истинной пары, подтвержденной древним алтарем. Чтобы спасти его, мне придётся провести запретный ритуал «Якорь» — и навсегда забыть дорогу домой. Но готова ли я стать лекарством для человека, который видит во мне лишь инструмент для выживания?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	56
Глава 6	71
Глава 7	87
Глава 8	98
Глава 9	115
Глава 10	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Обменный курс душ

Глава 1

Тая

Некроз не мог так выглядеть — и уж точно не мог пахнуть пеплом.

Тая держала иглодержатель над краем раны, и пальцы на секунду замерли: ткань в раскрытой грудной клетке серела ровно, выжженно, без привычной живой неоднородности. Не гниль. Не инфекция. Сухой, холодный запах — как после короткого замыкания, когда в щитке плавится пластик, и воздух становится горьким.

— Давление падает, — сказала анестезистка.

Тая не подняла головы. Вдох — захват. Выдох — прокол. Нить ложилась ровно, узлы затягивались без лишнего натяжения. Работало то, что остаётся у хирурга, когда внутри всё вычищено до протокола.

Игла упёрлась в плоть и прошла с усилием — не так, как нужно. Под пальцами вена казалась плотнее, словно в её стенку влили тонкий воск.

На мониторе плясали цифры. И рядом — поверх них, на долю секунды — мелькнуло чужое: тонкая строка, не из интерфейса, и одно слово, которое не относилось ни к кардиограмме, ни к давлению.

Контур.

Потом всё вернулось: цифры, линии, ровный писк аппаратов. Обычная операционная. Обычная реальность. Только запах пепла оставался.

— Это точно не... — начала медсестра и осеклась.

Тая слышала сбившееся дыхание сбоку. Люди в этой комнате привыкли к крови, к смерти, к поломкам. К тому, что «бывает». Но не к тому, что не укладывается ни в один учебник.

— Не смотрим на цвет. Работаем, — бросила Тая. — Отсос. Салфетки.

Пациента привезли «скорой» из какого-то подвала. Без документов, без телефона — только раздавленный корпус и осколки стекла. В истории болезни — несколько строк дежурного: «Некроз неизвестной природы. Консервативно без эффекта. Септические маркёры нарастают». Подпись — и пустота.

Заведующий сказал по телефону слово «последний». Последний шанс, последняя надежда, последняя операция на сегодня. Это слово цеплялось к коже хуже перчаток после десяти часов в операционной.

Тая ненавидела его.

Она перешла на сосудистый пучок. Металл зажима лёг в ладонь привычно, холодно, правильно. Тая поднесла его к краю некроза — и слышала короткий треск, как статическое электричество. Не от аппарата. Изнутри.

Медсестра едва заметно отдёрнула руку.

— Зажим держи, — спокойно сказала Тая. — Не дергайся.

Она продолжила шить. Шов ложился идеально. Поле было сухим — слишком сухим для такого объёма. Организм будто уже сдался и просто тянул время.

— Ритм нестабильный, — сказала анестезистка.

Линия на мониторе дёрнулась. Потом снова. Потом — ха-ос. И вдруг — прямота, выровненная, как по линейке.

— Асистолия.

Вкус металла поднялся к горлу. Тая отложила иглодержатель.

— Адреналин. Компрессии. Готовим разряд, — сказала она.

Ассистент встал правильно, руки на грудной клетке пошли в темп. Дефибрилятор щёлкнул, как дверной замок. Разряд выгнул тело на столе. На мониторе — пусто.

— Ещё.

Разряд. И снова.

Аппараты замолчали на долю секунды между писками, и в тишине стало слышно, как капает раствор в системе — редкими, холодными каплями.

— Сколько времени? — спросила Тая.

— Двенадцать минут.

Она проверила то, что проверяется всегда: доступы, линии, проходимость. Ничего не выпадало из логики. Всё бы-

ло под контролем. Кроме того, что делало эту логику бесполезной.

На мониторе снова мелькнули чужие знаки — короткой вспышкой, как сбой. И снова исчезли. *Контур*. Ни к чему не привязанное слово, прилепившееся к реанимации, как клеймо.

— Продолжаем, — сказала Тая.

Не «почему». «Почему» не существовало. Только «что ещё можно сделать».

— Двадцать минут, — произнесла анестезистка позже, тише.

Тая посмотрела на линию на мониторе. На лицо мужчины. На край раны. Всё было выстроено в голове по схеме — и всё равно рушилось.

— Последний разряд, — сказала Тая.

Щёлкнуло. Тело дёрнулось. Пустота осталась пустотой.

Тая кивнула.

— Всё. Фиксируем время.

Ассистенты остановились. Медсестра потянулась за простынёй. В операционной стало слишком светло и слишком тихо, будто воздух выжали из помещения.

Тая сняла перчатки, опустила их в таз. Пальцы дрожали мелко — не от слабости, от накопленного напряжения, которое держалось в мышцах на одном честном слове.

Она сделала шаг назад — и услышала вдох.

Хриплый, сухой, как через узкую щель.

— Есть ритм! — сорвалось у кого-то.

Линия на мониторе дёрнулась, выдала несколько зубцов. Тая уже была рядом. Это возвращение не походило на чудо. Оно походило на сбой.

Веки мужчины дрогнули. Глаза приоткрылись. Радужка была мутной, но цвет пробился — светлый, холодный, как лёд на грязной воде. И ещё одна деталь, резкая, ненужная для спасения, но цепляющаяся за взгляд: тонкий шрам, как нить, пересекал левую бровь.

Он пытался говорить. Губы едва шевельнулись.

— Не... — выдавил он.

Тая наклонилась ближе.

— Молчите. Кто вы? Кого искать?

Его пальцы — тонкие, серые, с прожилками — неожиданно цепко ухватили край её халата. Сила была короткая, как вспышка, но хватка — железная.

Он дёрнул её ближе и сунул что-то в ладонь.

Металл. Тёплый. Тяжёлый.

Медальон в форме сердца — не ювелирная безделушка. На тонкой потемневшей цепочке висел тяжёлый металл с узором, похожим на сосудистую сетку, только слишком правильным. Между линиями виднелась выемка, как острый зубец.

Мужчина выдохнул, стараясь не терять воздух на лишнее: — Там... некому лечить...

Голос был почти без звука. И всё равно фраза легла в го-

лову так, будто её вдавили.

Он сглотнул. На секунду взгляд стал яснее, чем мог у умирающего.

— Совет... — прошептал он и не договорил.

Линия на мониторе снова поползла к пустоте. Ритм рассыпался. Глаза мужчины задержались на ней ещё на секунду — и погасли.

Тая проверила сонную артерию. Ноль.

— Возобновляем? — спросила анестезистка.

Тая посмотрела на часы. Потом — на медальон в своей ладони. Металл оставался тёплым.

— Нет, — сказала она. — Фиксируйте время.

Когда тело увезли, началась рутина, которую никто не считает драмой: бумага, подписи, отчёт. Тая мыла руки долго, пока кожа не стала розовой и сухой, а запах пепла всё равно не уходил.

Её остановили у раздевалки. Не медики: женщина с папкой и мужчина из службы безопасности — оба с бейджами, без халатов.

— Таисия Сергеевна? — спросила женщина.

Тая кивнула.

— Внутренний контроль. Подпишите, пожалуйста, — женщина раскрыла папку. — О неразглашении данных пациента без установленной личности до завершения служебной проверки.

Лист был короткий. В нём не было «некроза», не бы-

ло «пепла», не было «сбоя». Только сухая формулировка и строчка для подписи.

— Это обязательно? — спросила Тая.

— Да, — ответил мужчина. — Стандартная процедура для неопознанного пациента.

Он говорил устало и по-деловому, явно не впервые повторяя эту формулировку.

Тая поставила подпись. Ровно. Как шов.

— Главврач ждёт вас, — сказала женщина, закрывая папку.

В кабинете главврача пахло кофе и бумагой. Он стоял у окна, спиной к двери, будто собирал себя по частям.

— Таисия, — сказал он. — В отпуск.

— Сейчас? — спросила Тая.

— Сейчас. Я оформил.

Он протянул бумагу. «Отпуск по состоянию здоровья». Законная версия происходящего.

Тая взяла лист, сложила и убрала в карман.

— Я не ошиблась, — сказала она.

— Я знаю, — ответил главврач. — В этом и проблема. Ты держись, пока держится тело. Потом оно сдаёт без предупреждения.

Тая не стала спорить. Слова были лишними. Её внутри уже шёл тот же процесс, что в операционной: отсекалось всё, что мешает двигаться дальше.

— Домой. Спи. Ешь нормально. И не отвечай на звонки,

— добавил он. — Оставь этот случай здесь.

Тая кивнула.

Дом встретил тишиной. Квартира была чистой и ровной, как палата после выписки. Тая бросила сумку у двери, сняла куртку, прошла на кухню — и остановилась, потому что в кармане ощутимо тянуло вниз.

Медальон.

Он лежал в ладони тяжело, как чужое сердце. Металл был тёплым сам по себе — не от руки. Узоры на поверхности уходили вглубь, как сеть сосудов на снимке, только идеальная, без хаоса.

Тая повернула медальон и провела пальцем по выемке на краю. Кожу кольнуло. Капля крови выступила быстро, густо.

Металл дрогнул. Тепло усилилось так, что ладонь отдёрнулась сама.

На секунду перед глазами вспыхнула картинка — резкая, короткая, без звука: каменный потолок, дрожащий свет факела, тёмный силуэт. И глаза — тускло-золотые, почти одинаковые с теплом медальона. Левую бровь пересекала тонкая линия шрама.

Видение исчезло. Тая стояла на кухне с каплей крови на пальце и чужой тяжестью на ладони.

Она зажала прокол салфеткой. Пульс бился в запястье. И одновременно — в медальоне, как отклик: ровный, навязчивый, не совпадающий с её ритмом на долю секунды. Словно рядом билось ещё одно сердце. Тая машинально продела

цепочку через голову, освобождая руки, и медальон лёг на грудь тёплой тяжестью.

Телефон зазвонил один раз. Экран высветил: «Отделение».

Тая не взяла. Звонок оборвался, оставив после себя тишину плотнее прежней.

Свет на кухне мигнул.

Запах чистого дома сменился запахом гари — резким, пластмассовым. В стене коротко затрещало.

Тая шагнула к коридору — к щитку. Второй шаг оказался неправильным: пол ушёл вниз, желудок подняло тяжестью, как на лифте, который сорвался на один пролёт. Рука потянулась к столу — и встретила пустоту.

Воздух стал холоднее. Холод был чужой, сырой. Он пах мокрым железом и чем-то зелёным, хвойным.

Медальон на груди стал горячим — цепочка потяжелела, врезалась в кожу у ключицы. Тая попыталась сорвать её через голову, но пальцы скользнули по металлу, и дыхание сбилось.

Кухня растянулась, потеряла углы. Свет погас.

Мир сложился внутрь, как операционный экран, выключенный одним щелчком.

Холодная поверхность прижала лопатки. Воздух ударил в лицо сыростью и дымом. Где-то рядом трещал живой огонь.

Тая открыла глаза.

Над ней был потолок — высокий, каменный, с тенью от

резных балок. Свет дрожал, как от факелов. За стеной звучали голоса — резкие, чужие. Слова не складывались в смысл; интонации давили, как команда.

Медальон лежал на груди тяжело, тёплый, пульсирующий. Тая попыталась приподняться — и в боку отозвалась короткая боль, как после резкого подъёма с операционного стула. Тело было её, но всё вокруг — нет.

Внутри черепа, ровно и без паузы, прозвучал голос:
— Синхронизация завершена.

За дверью щёлкнул замок. Шаги приблизились — быстрые, уверенные. Ручка дёрнулась.

Глава 2

Тая

Утро началось с холода.

Камень под лопатками за ночь успел выстудить мышцы, и когда Тая открыла глаза, тело отозвалось тупой ломотой, как после дежурства на ногах и сна на жестком диване. Над головой висел высокий потолок с резными балками; по щели между ними медленно ползла полоска серого света. Не её потолок. Не её воздух.

Пахло дымом, мокрым железом и чем-то травяным — горьким, как полынь.

Тая поднялась рывком и тут же уткнулась ладонью в грудь: медальон в форме сердца лежал тяжело, тёплый, как живой. Цепочка была на месте. Запястья — свободны. Никаких кандалов, никаких цепей. Только тонкие следы на коже, как от вчерашнего браслета, который сняли в спешке.

Вчера.

В памяти вспыхнуло: щёлкнул замок, в комнату вошёл холодный воздух и чужие голоса, которые так и не стали словами. Потом — темнота, плотная, как наркоз. Ни удара, ни падения. Просто выключили.

Тая села на край кровати. Постель была странная: матрас набит чем-то шуршащим, простыня грубая, пахла мятой и дымом. В углу комнаты стоял высокий кувшин, рядом —

миска и полотенце. На стене — тусклая сеть линий, похожих на вены под кожей камня; они светились едва-едва, но свет был не от окна.

Тая встала. Ноги были легче, чем у неё. Шаг — длиннее. Центр тяжести сместился выше. Она дошла до двери, проверила защёлку: обычный крючок. Не заперто.

В животе поднялась тяжёлая пустота. Руки вспотели. Дыхание сбилось на полудвижении.

Тая посмотрела на свои ладони. Тонкие пальцы. Ухоженные ногти. На правом запястье — маленькая родинка, которой у неё не было. Кожа — другая, мягче.

Она пошла в ванную.

Зеркало висело над каменной раковиной. Стекло было старое, с тонкими потемневшими прожилками по краю. Отражение дрожало от сквозняка.

Тая уставилась в лицо напротив — и не нашла себя.

Высокие скулы. Рот тоньше. Брови гуще. Волосы тёмные, мокрые, прилипли к шее. Взгляд — чужой и слишком живой для того, что происходило.

Пальцы легли на щёку. Кожа под ними была тёплой, упругой, не её.

Воздух в груди стал редким. Сердце ударило быстрее, потом ещё быстрее. Тая упёрлась обеими руками в край раковины. Камень был холодный и шероховатый, с мелкими царапинами. Не фаянс. Не акрил. Не «ремонт за выходные».

Она считала вдохи. На пятом вдохе грудная клетка пере-

стала рваться вверх, на десятом — пальцы перестали дрожать.

Работа.

Её мозг умел включаться по команде. Не героизм. Выживание.

Тая перевела взгляд с лица на детали: зрачки одинаковые, реакция на свет есть. Кожа без сыпи. Язык влажный. Руки без тремора — только мелкая дрожь от выброса адреналина. Значит, сейчас можно думать.

Она наклонилась к кувшину. Воды из крана не было — только тяжёлая керамика. Тая плеснула в ладони. Вода оказалась ледяной, как из погреба. Холод ожёг лицо и прошёл под кожу, к зубам. Она вытерлась полотенцем — грубым, пахнущим травами. На крючке у двери висела форма: тёмная ткань, светлая рубашка, ленты. И — цепочка медальона на груди отражения, как якорь, за который можно держаться.

Тая коснулась медальона. Металл был тёплым сам по себе. Под пальцами — тонкий узор, похожий на сосудистую сеть.

За стеной скрипнула доска. Потом — быстрые шаги и голос.

Голос говорил много и плавно, но смысл не появлялся. Только поток звуков, которые не цеплялись ни за один знакомый корень. В висках сразу стянуло тугой лентой. Боль распирала череп медленно, вязко, как густой сироп.

Дверь распахнулась без стука.

На пороге стояла девушка в светлом платье и короткой

накидке. Волосы собраны в два тугих жгута. Она смотрела на Тая так, будто входить сюда было её правом.

Девушка заговорила снова — быстро, требовательно.

Слова превратились в белый шум. Боль в висках усилилась, потянула к затылку. Тая подняла ладони — жест «пауза». Потом показала на себя, на зеркало, на рот: «не понимаю». Пальцы дрожали.

Девушка нахмурилась, сказала что-то ещё короче и резче. И тут медальон на груди раскалился.

Кожа под металлом дёрнулась, как от ожога. Тая резко выдохнула, пальцы сами сжали цепочку.

Внутри головы щёлкнуло — как если бы закрыли клапан. Белый шум исчез.

— Мирана, ты что творишь? Ты меня пугаешь. Ты... ты в порядке? — сказала девушка уже понятными словами.

Тая выдохнула. Медальон оставался горячим, но перестал жечь.

— Я... — голос вышел чуть выше её привычного, и в нём слышался чужой акцент. — Я... да. Голова. Вода холодная.

Фраза получилась деревянной, но смысл дошёл.

Девушка прищурилась.

— Ты говоришь, как первокурсница из дальних земель. — Она шагнула ближе, внимательно глядя в лицо. — Ты точно не больна?

Имя всплыло само: Тиана. Соседка.

Тая кивнула.

— Ты... кто? — спросила она, проверяя, как язык слушается.

Тиана фыркнула.

— Кто я? Я Тиана. Твоя соседка. Которая вчера вытащила тебя из библиотеки в два ночи, потому что ты снова пыталась выучить всё за одну ночь. — Она склонилась ближе. — Слушай. Вчера ночью было странно. Ты не выходила. И сегодня утром ты... другая.

Тая отметила «вчера ночью» и «не выходила». Значит, Мирана была здесь до неё. И кто-то приходил.

— Где я? — спросила Тая.

— В общежитии Академии, — ответила Тиана так, будто вопрос был издевательством. — Ты вообще помнишь, что сегодня контроль по защите? Магистр Вейл тебя размажет, если снова опоздаешь.

Академия. Слово легло в голову тяжёлым фактом, без объяснений.

Тая натянула форму на себя. Ткань была плотная, тёплая. Рубашка пахла мятой и дымом. Она привыкла к хлопку, к гладкости, к тому, что вещи не царапают кожу. Здесь всё было грубее.

— Идём, — сказала Тиана, схватила Тая за рукав и потянула в коридор.

Коридор оказался узким и каменным. Окна — высокие, со стеклом мутным, как в старом подъезде. По стенам тянулись светящиеся линии — тонкие, как вены под кожей кам-

ня. Когда мимо проходили студенты, линии вспыхивали ярче, словно откликаясь на шаги.

В воздухе пахло влажным камнем и чем-то ещё — горьким и сладким одновременно. Запах заклинаний, которые кто-то произносил этажом выше. Где-то за стеной тянулся низкий гул, будто под зданием работал огромный механизм. Или билось сердце.

Студенты шли навстречу — в форме, с книгами, с сумками. Кто-то нёс стеклянный шар, внутри которого ворочался дым. У кого-то на пальцах оставались белые следы, как от мела, только мерцающие. Смотрели на Таю мельком, кивали Тиане, шептались.

Слова складывались в смысл медленно, с усилием, будто язык приходилось вытаскивать из густой воды.

Тая держала плечи ровно. Ладони снова вспотели. Пульс бился чаще, чем нужно. Она проверила дыхание: ровное. Значит, можно идти дальше.

На перекрёстке коридоров Тиану остановила знакомая. Она повернулась отвечать — и на секунду отпустила рукав.

Слева, у лестницы, раздался сиплый звук, как если бы воздух пытались втянуть через мокрую ткань.

Тая повернула голову и увидела парня лет семнадцати. Лицо серело. Руки судорожно тянулись к шее. Рот раскрылся широко, но воздух не проходил. Губы стали синеватыми.

Стридор. Цианоз. Счёт пошёл.

Тая бросилась к нему.

— Отойдите! — сказала она громко, и голос прозвучал твёрже, чем дрожь в пальцах.

Кто-то ахнул. Кто-то замер. Парень шатнулся, опёрся о стену.

Тая подняла его подбородок, выставила голову прямо. Пальцы нашли ориентиры: щитовидный хрящ, перстневидный, мягкая ямка между ними. Кожа была горячая и влажная.

— Смотри на меня, — сказала Тая.

Глаза парня были расширены, взгляд рвался, как у животного, которое ловит воздух.

Инструментов не было. Набора — тоже. Вокруг — толпа, и у толпы был ступор.

Тая заметила у ближайшей девушки перо — длинное, с металлической оправой. Жёсткое. Острое.

— Дай, — сказала Тая.

— Что? — пискнула девушка.

Тая не стала повторять. Времени на уговоры не было — она сама выдернула перо.

— Держите его, — бросила она двум парням рядом. — Плечи. Голова прямо. Не давить на горло!

Они схватили пациента неловко, как мешок. Тая сдвинула их руки, выставила голову в нейтральное положение. Пальцы снова нашли ямку.

— Будет кровь. Не дёргаться, — сказала она.

Перо было легче скальпеля и хуже по контролю. Тая ввела кончик в кожу быстро, под правильным углом. Соппротивление. Потом — провал, мягкий, как прокол мембраны.

Кровь хлынула сразу.

Толпа взвизгнула. Кто-то отскочил. Девушка закрыла рот руками.

Парень дёрнулся, кровь брызнула на камень стены. В горле у Таи поднялся ком — не отвращение, просто тело напомнило: здесь нет протокола, нет стерильных перчаток, нет страховки. Руки остались ровными.

Тая расширила отверстие, вытащила перо и вставила полный корпус в разрез — насколько позволяла конструкция. Грубая трубка. Но это был воздух.

Парень вдохнул — хрипло, через отверстие. Второй вдох — уже с меньшим свистом. Плечи опустились на сантиметр.

Тая удерживала трубку пальцами. Кровь текла по кисти, по запястью, в рукав. Тёплая, липкая.

— Дыши, — сказала она. — Дыши.

Парень закашлялся. Кровь булькнула, но воздух шёл.

— Ты... ты его убила! — закричал кто-то позади.

— Убийца! — подхватили другие.

Толпа качнулась ближе. Руки потянулись к Тае — не помочь, оттащить. Кто-то тянулся к трубке, чтобы выдернуть «орудие».

Тая сместилась так, чтобы закрыть пациента собой и стеной.

— Он жив, — сказала она громко. — Не трогать! Нужен лекарь. Сейчас!

— Она перерезала ему горло! — визгнула какая-то девочка.

Стадо собиралось в одну массу. Камень под ногами гудел от шагов. Чужие голоса давили со всех сторон.

Тая оценила: если они выдернут трубку — мальчишка умрёт здесь. Если умрёт — толпа разорвёт её. Отступить нельзя. Нужна власть. Сейчас.

В коридоре стало резко холоднее.

Не «прохладно». Холод прошёл по коже, поднял мелкие бугорки на предплечьях. Дыхание у ближайших стало видимым — тонкими струйками пара. На металлических накладках двери выступил иней.

Толпа замолчала не сразу, но звук начал ломаться, как стекло под давлением.

Из дальнего конца коридора шёл мужчина в тёмном мундире. Он двигался ровно, не ускоряясь, и всё равно пространство отступало перед ним. За ним тянулся холодный след.

— Отойдите от тела, адептка. Или я заморожу вас на месте.

Голос был ледяной и ровный. Без крика. Без надрыва. Как приговор, который не требует подтверждения.

Тая подняла взгляд.

Лицо — резкое, бледное. Волосы тёмные, зачёсаны назад.

Взгляд резал, как тонкое лезвие. И ещё — запах: резкий, как озон после грозы, с металлическим привкусом. Он бил в нос так, что дыхание на секунду сбилось.

Тая не отступила. Она удерживала трубку.

— Если я отойду, он потеряет воздух, — сказала она.

Слова вышли коротко. Без поклонов. Горло пересохло.

Мужчина посмотрел на её руки. На кровь. На перо. На пациента, который хрипло дышал через отверстие.

Холод вокруг него уплотнился. По пальцам пробежала ледяная волна — воздух стал плотнее, как вода перед штормом.

— Ты утверждаешь, что спасла его? — спросил он.

Голос прошёлся по коже — низкий, без интонаций, как лезвие по стеклу. Не громко. Опаснее.

В животе что-то сжалось — не паника, не дрожь. Тело отреагировало само: хищник. Отступить.

Тая не отступила.

— Я обеспечила дыхательные пути, — сказала она. — Ему нужен лекарь и нормальная трубка. И остановка кровотечения — по ситуации. Сейчас не трогать.

Мужчина задержал взгляд на её лице. Взгляд был тяжелее холода.

— Лекаря сюда, — произнёс он, не повышая голоса.

Кто-то сорвался с места, побежал. Толпа отступила на шаг, будто её отжали.

Медальон на груди Таи вдруг нагрелся сильнее, почти до

жара. Под ребром возник второй, чужой ритм — на долю секунды разошёлся с её пульсом, а потом совпал.

Тая машинально сжала пальцы на цепочке.

— Имя, — сказал мужчина.

На мгновение в голове стало пусто. Её имя здесь было бесполезно. Имя хозяйки тела — нужно.

— Мирана, — сказала Тая.

Мужчина не изменился в лице, но воздух дрогнул, как тонкая струна.

— Адептка Мирана, — произнёс он. — Ты пойдёшь со мной. После того, как лекарь заберёт пациента.

Шёпот снова пополз по стенам. Тиана где-то позади стояла бледная, с прижатой к губам ладонью.

Тая посмотрела на пациента: дыхание держалось, кровь стекала по подбородку, но глаза уже не были пустыми.

— Хорошо, — сказала она. — Но если меня оторвут раньше — он умрёт. И это будет на ваших глазах.

Фраза вышла ровно. Тая услышала собственный голос как инструмент — холодный, рабочий.

Мужчина чуть наклонил голову.

— Смело для адептки, — сказал он. — Или глупо. Увидим.

Появились лекари в светлых накидках — двое. Один держал кожаную сумку, другой — металлический инструмент, похожий на расширитель. Двигались быстро и без суеты.

Тая показала пальцем на отверстие и на трубку, прогово-

рила: «не выдернуть резко», «держать», «фиксировать». Лекарь посмотрел на разрез, на перо, на кровь — и в его взгляде мелькнула пауза. Не осуждение. Оценка.

— Держи голову, — бросил он помощнику и принялся работать.

Тая отступила на полшага. Руки дрожали сильнее — организм сбросил напряжение теперь, когда можно.

Кровь на пальцах начала остывать и липнуть. Рукав потяжелел. В голове вспыхнуло слово «сепсис» — как предупреждение. Здесь не было антисептика. Здесь были травы и камень. Она не знала, что они считают стерильностью.

Мужчина в мундире стоял рядом, не мешая лекарям. Холлод вокруг него держался, как поле.

— Идём, — сказал он, когда пациента унесли.

Толпа разошлась быстро, как вода перед носом корабля.

Тая сделала шаг — и поймала себя на том, что снова прислушивается к чужому ритму под ребром. Медальон был тёплым, и тепло отдавалось в кожу, как метка.

Она подняла подбородок и пошла следом.

Валерион:

Укол под лопаткой пришёл раньше шума.

Боль была фоном, привычной сеткой под кожей, но этот укол был иным — коротким, резким, как если бы кто-то дёрнул за скрытую нить внутри Флуксуса Магикус. Натяжение пошло по всей системе и на секунду сбило дыхание.

Валерион остановился у окна башни. Серое утро стека-

ло по мутному стеклу. Внизу, в общежитии, шумела жизнь адептов — обычная, бесполезная.

Сегодня шум был другой. Физический. С кровью.

И с тем, что не принадлежало этому месту.

Он пошёл сразу. Без свиты. Стража попыталась двинуться за ним, но Валерион поднял ладонь — воздух остановил людей на полушаге, мягко, без звука.

Коридор общежития встретил его толпой. Запах крови лежал тяжело, свежо. По стенам вспыхивали руны — откликались на чужую суету. Воздух звенел от мелких заклинаний: кто-то пытался лечить, кто-то — удерживать, кто-то — кричать магией вместо голоса.

Валерион увидел пациента на носилках — ещё живого. Лекари работали быстро. И рядом — девушка.

Адептка Мирана.

По бумаге — тихая, без выдающейся силы. По слухам — пустая голова и красивые платья.

Девушка стояла с кровью на руках так, будто это была её работа, а не преступление. Плечи ровные. Подбородок поднят. Взгляд держал линию — не метался, не искал спасения в толпе.

Валерион сделал шаг ближе, и холод поднялся вокруг него сам. Толпа отступила. Девушка — нет.

На её груди висел медальон. Матовый металл с узором, похожим на сосудистую сеть. Тёплый — это было видно не глазами, а тем, как воздух рядом с ним чуть дрожал, как над

камнем, который долго держали в руках.

Укол под лопаткой повторился — коротко, зло.

Медальон пульсировал теплом в такт сердцу девушки.

И в следующий миг Валерион поймал у себя в груди ответный удар — не сердца, Флуksуса Магикус. Как отклик. Как связь, которую нельзя было допускать.

Невозможно.

Девушка говорила о дыхательных путях уверенно, чужими словами, которые звучали странно: родной язык, но огранённый иначе. Акцент — не из северных провинций. И не из известных земель.

Валерион посмотрел на её руки: дрожь была мелкая, честная, но она не прятала её. Кровь на пальцах темнела, а взгляд оставался ровным. Либо безумие. Либо что-то ещё.

Он приказал лекарям и забрал её — не из милости. Из контроля.

Валерион шёл впереди, чувствуя тепло медальона за своей спиной, и Флуksус Магикус внутри снова дёрнулся, как живой, на её вдох.

Он мог заморозить её прямо в коридоре. Мог отправить в изолятор. Мог вызвать Совет и потребовать допроса.

Но сначала нужно было понять: кто — или что — смотрит на него из глаз Мираны.

И почему это «что-то» держало его систему так, будто нашло точку доступа.

Глава 3

Тая

Дверь кабинета закрылась за её спиной без хлопка, но звук всё равно вонзился в нервы, как щелчок замка в операционной.

Воздух здесь был другим: холоднее, суше, с резким привкусом озона, как после грозы, и тонкой нотой мокрого железа. На Земле так пахло у электрошкафа после скачка — только здесь не было ни проводов, ни розеток. Руны под слоем камня светились ровно, как пульс на мониторе.

Валерион Дархольд прошёл к столу и остановился, не оглядываясь. Мундир сидел на нём так, будто ткань не смела морщиться. Холод от него тянулся по кабинету, как невидимый шлейф.

Тая осталась стоять у порога. Кровь на рукавах подсохла и стягивала ткань, как корка.

Слева, у стены, находились двое в светлых накидках — лекари. Один держал ленту ткани, другой — тонкий металлический инструмент. Оба смотрели на Таю так, будто она принесла грязь в их святилище.

— Это... — начал один, удерживая голос на грани. — Варварство. Разрез пером. Без заклинания остановки крови. Без защиты от заражения.

— Он дышал, — сказала Тая.

Слова вышли коротко. Как итог в истории болезни.

— Дыхание можно открыть иначе, — прошипел второй.

— Магией.

— Тогда открывайте, — сказала Тая. — Пока вы ищете красивый способ, человек задыхается.

Лекарь побледнел и метнул взгляд на Валериона, как на судью.

Валерион не вмешался сразу. Он смотрел на них так же, как в коридоре смотрел на толпу: молча — и этого хватало, чтобы люди сами складывались в нужный порядок.

— Пациент жив, — произнёс он. — Вы обеспечили ему дальнейшее ведение.

Лекари склонили головы. Подчинение.

Один всё же не выдержал:

— Милорд, вы не можете позволить адептке...

Валерион поднял ладонь. В воздухе щёлкнуло, как треск льда. Руны вспыхнули холодным светом. Лекарь замолчал на полуслове, будто ему перетянули горло.

— Можете, — сказал Валерион. — И позволю.

Он повернулся к Тае медленно, выбирая момент, как хирург выбирает место разреза.

— Адептка Мирана, — произнёс он. — Ты вмешалась в жизнь адепта без разрешения. Ты пролила кровь в коридоре Академии. Ты напугала половину курса.

— Он был на минуту от гипоксии, — сказала Тая.

— Ты говоришь со мной так, словно я твой коллега по

столу, — произнёс Валерион.

— Я говорю так, чтобы вы слышали, — ответила Тая.

Пауза между ними стала плотной. Кожа на шее реагировала: холод от него поднимал мелкие бугорки. И запах — озон и металл — резал ноздри так, что вдох задерживался сам собой.

Сзади кто-то тихо прошептал соседу:

— Ректор едва стоит... Ему нужна Истинная, чтобы выжить...

— Тише, — одёрнул второй голос.

Тая уловила фразу, как иглу в ткани. *Истинная Пара*. Новый термин в мире, который уже успел дать ей медальон-переводчик и руны в стенах.

Валерион не дал этим словам продолжения. Он повернул голову — и лекари тут же опустили взгляд.

— Вы свободны, — сказал он.

Лекари ушли быстро. Дверь закрылась. Остались только Тая, Валерион и кабинет, где руны светились ровно и холодно.

Валерион подошёл к окну. Свет лег на его профиль — резкий, строгий. Он стоял так, будто держал себя в стойке из последних сил.

— Подойди, — сказал он, не оборачиваясь.

Тая сделала два шага и остановилась на расстоянии вытянутой руки. Близко достаточно, чтобы почувствовать холод от его кожи. Достаточно близко, чтобы не успеть отскочить,

если он решит «заморозить».

Она отметила детали автоматически, как на осмотре: плечи напряжены. Дыхание поверхностное, экономное. Правая рука сжата в кулак, костяшки белые. На шее под кожей проступала тонкая тёмная сетка вен — слишком тёмная для такого света.

Флюксус Магикус.

Слово всплыло как диагноз, который пока не умеешь расшифровать, но уже понимаешь, что он смертельно серьёзен.

Валерион резко вдохнул.

Воздух в кабинете дрогнул.

Стол позади Таи скрипнул и сместился на пару пальцев, словно его толкнули изнутри. Перо подпрыгнуло. На полке зазвенело стекло. Руны вспыхнули ярче — словно через них прошёл перегруз — и тут же притухли.

Тая повернула голову: листы бумаги поднялись со стола и неровно задрожали в воздухе, словно тот вдруг стал густым.

— Не двигайся, — сказал Валерион.

Голос остался ровным. На последнем слоге прорезалась короткая хрипота — как у человека, который держит боль зубами.

Он прижал ладонь к груди — туда, где сердце. Второй рукой ухватился за край подоконника так, что дерево затрещало.

Магический шторм.

Не метафора. Физика: предметы поднимались, воздух

звенел, в висках у Таи нарастало давление. Озон стал резче. Во рту появился привкус меди — сухой и неприятный, как перед носовым кровотечением.

Валерион не кричал. Не просил помощи. Он просто стоял и пытался удержать мир на месте, пока мир пытался разорвать его изнутри.

Тая сделала то, что делала всегда в кризисе: не смотрела на эффект, смотрела на причину.

— Боль давно? — спросила она.

Валерион повернул к ней голову. Взгляд был тёмный, тяжёлый. Не крик. Проверка.

— Твоя дерзость неуместна, — сказал он.

— Тогда умирайте молча, — ответила Тая. — Или отвечайте. Время идёт.

Книга на полке сорвалась и ударилась о стену — не упала, отлетела, как от толчка. По комнате прошла волна холодного воздуха. На стекле окна расплзся тонкий иней.

Валерион сжал зубы. Пальцы на груди дрогнули.

Контроль ускользал.

Тая шагнула ближе.

— Не подходи, — сказал Валерион.

Поздно.

Она схватила его за запястье.

Кожа под пальцами была холодная, как металл, оставленный на морозе. Пульс бился быстро и неровно — не как у здорового человека, как у того, кто на грани.

Тая удержала захват, как держат пульс у пациента в шоке: крепко, уверенно. Большой палец лёг точно на «нить» под кожей — не вену, другое. Канал.

Под пальцем что-то дрогнуло. Не мышца. Поток.

И мир выдохнул.

Кабинет замер — не мгновенно, на вдох. Предметы в воздухе перестали дрожать. Бумаги опустились на стол, как осенние листья. Перо в чернильнице остановилось.

Озон в воздухе стал тише. Иней на стекле перестал расползаться.

Валерион сделал вдох. Первый за долгое время — полный.

Валерион:

Первое, что пришло, — тепло.

Тепло живых пальцев легло на кожу там, где Флюксус Магикус рвался наружу, как зверь в тесной клетке. Совсем не жар и не огонь.

Боль не исчезла. Она отступила — резко, отсечённо. Будто кто-то перерезал нить, которая держала шторм на привязи, и буря сама себя выдохнула.

Валерион замер.

Пульс под её пальцами бился уверенно. Никакого заклинания, никакой формулы — только контакт кожи с кожей. И Флюксус Магикус внутри него не взбунтовался.

Откликнулся.

Как на своего.

Невозможно.

Валерион дёрнул руку так резко, что в плече кольнуло. Он отшатнулся — не от отвращения. От страха.

Потому что за тридцать лет его система не подчинялась никому. Даже ему самому — с трудом.

А эта девушка с кровью на руках и чужим взглядом закрыла шторм так, будто закрыла дверь.

Тая:

Тая отступила на полшага, но запястье отпустила не сразу — потому что мозг ещё держал «контакт полезен». Потом отпустила.

Пальцы дрожали от адреналина — как после операции, когда тело сбрасывает напряжение и только тогда понимает, что было на грани.

Сердце билось в груди громко, почти обидно. Медальон на шее пульсировал в такт — тёплый, почти горячий.

Валерион отшатнулся, будто её пальцы обжигали. Лицо стало ещё бледнее.

— Ты... — сказал он.

Голос сорвался на низкую, опасную ноту.

— Ты не врач.

Тая подняла подбородок. Кровь на руках уже темнела — почти чёрная при свете рун. На Земле она бы сейчас включила горячую воду и отскребла пальцы щёткой до розовой кожи. Здесь горячей воды не было. И стерильности тоже.

— Я хирург, — сказала Тая. — И я спасла человека.

— Ты блокиратор, — произнёс Валерион, и слово прозвучало как обвинение. Он сделал вдох — длинный, болезненный — и поймал дрожь челюстью. — Кто тебя прислал?

Тая моргнула.

— Меня никто не присылал. Я здесь по ошибке.

Валерион сделал шаг ближе. Холод поднялся, но уже под контролем. Руны на стене вспыхнули тонкой линией — кабинету стало тесно.

Он наклонился к ней так, что между ними осталось совсем мало воздуха. Озон и металл врезались в ноздри. Дыхание стало короче.

— Ошибка, — повторил Валерион. — Ты тронула меня — и мой шторм остановился.

Костяшки его пальцев снова побелели.

— Так не бывает.

— Бывает, — сказала Тая. — Если вы больны. И если я... совпадаю с вашим механизмом.

Слова звучали слишком медицински для этого места, но это было единственное, что держало её прямой.

Валерион задержал взгляд на её руках.

— Ты пролила кровь адепта голыми руками, — сказал он тихо. — Без заклинаний. Без защиты. Ты понимаешь, что это значит?

Тая посмотрела на свои ладони.

— Это значит, что он жив, — ответила она.

Валерион отвернулся к столу, взял тонкий лист бумаги.

Пальцы держали его так, будто он весил килограмм.

— Ты останешься в Академии, — сказал он. — До выяснения.

— А у меня есть выбор? — спросила Тая.

Сарказм вышел сухим, рабочим.

Валерион поднял глаза.

— Выбор есть всегда, адептка, — произнёс он. — Но некоторые варианты быстро заканчиваются.

Тая кивнула. Сесть не предложили — значит, разговор не закончен, просто его переносят.

Она посмотрела на свои руки и сказала осторожнее, выбирая слова, как иглу:

— Мне нужно смыть кровь. И обработать кожу. У вас есть зелье... для ран?

Валерион задержал взгляд на ней. Подозрение не исчезло, просто стало тише.

— Есть, — произнёс он. — Идём.

Он двинулся к двери.

Тая пошла следом, удерживая шаг ровным.

Дверь кабинета закрылась за ними.

Коридор был пуст. Руны на стенах мерцали ровно, как пульс. Валерион шёл впереди, не оглядываясь, и холод за его спиной тянулся, как шлейф.

Тая смотрела на его затылок и думала о том, что её пальцы всё ещё помнят температуру его кожи. Холодную. Мёртвую. И пульс под ней — быстрый, неровный, живой.

Медальон на груди потеплел резко, как удар.

Валерион остановился.

Он не повернулся. Просто замер на полушаге, и плечи напряглись так, будто он слышал то, чего не должен был слышать.

— Ты чувствуешь это? — спросил он тихо.

Под ребром, где билось сердце, снова возник второй ритм — не её. На долю секунды чужой, потом совпадающий.

— Да, — сказала Тая.

Валерион повернул голову медленно, как хищник, который понял, что добыча не убегает.

— Тогда ты понимаешь, — произнёс он, — что отпустить тебя я уже не могу.

Глава 4

Валерион

Коридор молчал.

Коридор жил ровным гулом камня, помнившего шаги сотен адептов, хотя сейчас все они оставались за стенами. Руны в кладке мерцали спокойно, как дыхание после приступа. Валерион шёл впереди и не оглядывался, но спиной ощущал её шаг — слишком уверенный для той, кого только что могла растерзать толпа.

Медальон на её груди дал о себе знать ещё раз: не светом, не звоном — теплом, которое кольнуло Валериону под лопатку знакомой иглой. Он не сбился с шага. Только пальцы правой руки сжались сильнее, чем требовалось.

Она шла следом. Согласилась, что чувствует. И это было хуже любого признания.

Валерион провёл её через развилку и свернул в узкий проход, куда адептов не пускали без особого разрешения. Здесь камень был темнее, воздух — холоднее. На потолке не горели светильники: руны давали ровный сумеречный свет, чтобы не раздражать Флуксус Магикус.

За дверью его кабинета стояла тишина, которую он сам когда-то вырезал из мира — печатью и привычкой.

— Внутрь, — сказал он.

Она вошла первой, не ускоряясь. Не пыталась выскольз-

нуть. Не начала торговаться. Это было подозрительно.

Валерион закрыл дверь и наложил купол тишины одним движением пальцев. Воздух стал плотнее, звук — глуше, словно стены на секунду приблизились. Он проверил: чужих шагов нет, руновы́й контур держится, пломбы целы.

Только потом позволил себе вдохнуть глубже.

Боль вернулась не штормом — скрытно. Под ребром, у сердца, тянуло так, будто в грудную клетку вбили ледяной клин и медленно проворачивают. Флуksус Магикус дёрнулся внутри, отвечая на каждое движение, как нерв на оголённом зубе.

Он бросил взгляд на её руки.

Кровь подсохла почти чёрной коркой. На коже — ни одного ожога от заклинаний. Никаких следов защитных печатей. Она действительно сделала это голыми руками и чужим пером.

И всё же адепт был жив.

— Сядь, — сказал Валерион и указал на стул у стола.

Она посмотрела на стул, потом на него.

— А вы? — спросила она.

Слова прозвучали ровно, но в этом «а вы?» было что-то неуместное для Академии. Вопрос, который задают человеку, а не титулу.

— Я стою, — ответил Валерион.

Он не садился намеренно. Стоя проще давить. Стоя проще убивать.

Она села. Спина прямая. Колени вместе. Ладони — на краю стола, так, чтобы он видел кровь и видел, что она не прячет её.

Валерион разглядывал её, не торопясь. Лицо Мираны он знал: гладкая кожа, холодные манеры, привычка улыбаться, когда нужно получить чужое. Эта — держала взгляд иначе. Как тот, кто привык смотреть на рану, а не на реакцию зрителей.

— Твои слова в коридоре, — произнёс он. — «Дыхательные пути». «Гипоксия». «Пациент». Ты так говорила раньше?

Она на мгновение прищурилась, будто пыталась угадать ловушку.

— Иногда, — сказала она. — Когда вокруг кто-то умирает.

Валерион наклонился вперёд, положил ладонь на стол. Дерево под пальцами было ледяным от его собственной температуры.

— Ты остановила мой шторм, — сказал он.

Она не отвела взгляд. Только горло дёрнулось — раз, как при сухом глотке.

— Я... взяла вас за запястье, — сказала она. — Это походило на приступ.

Походило. Не «магия». Не «проклятие». Слово, которое ставит его болезнь в один ряд с земными недугами, будто ему можно назначить режим и лекарство.

Валерион удержал паузу, чтобы не выдать дрожь в руке.
— Ты знаешь, кто такие блокираторы? — спросил он.

Она секунду молчала.

— Теперь — знаю, — сказала она.

Умела признавать факт быстро. Это не было качеством Мираны.

Валерион поднял другую ладонь — и позволил ауре коснуться её, как ледяной воздух перед снегопадом. Не ударом. Давлением. Пространство между ними стало тяжелее. Руны на стенах вспыхнули тонкой линией, будто предупреждая: дальше будет опасно.

Она не дрогнула телом резко, но дыхание стало короче. Кожа на предплечьях покрылась мелкими бугорками — холод находил плоть, даже если разум делал вид, что не замечает.

— Ты здесь по ошибке, — повторил Валерион её слова.
— Объясни.

Она посмотрела на свои руки. На секунду показалось, что она сейчас скажет правду — любую, даже самую невозможную. Потом подняла глаза.

— Я не та, кем вы меня считаете, — сказала она.

— Это я уже понял, — ответил Валерион.

Он усилил давление — на долю, достаточно, чтобы у людей начинали слезиться глаза и дрожать пальцы. Она не опустила голову. Только чуть сильнее прижала ладонь к столу, и побелели ногти.

— Назови своё имя, — сказал он.

Пауза.

— Тая, — произнесла она наконец.

Имя было коротким, чужим для этих стен. Не дворянским. Не академическим.

— Тая, — повторил Валерион, пробуя его на вкус. — И откуда ты?

Она перевела взгляд в сторону, на край окна, где иней ещё держался тонкой сеткой — след от его шторма. Потом снова на него.

— Оттуда, где нет вашей магии, — сказала она.

У Валериона под ребром снова кольнуло, и вместе с этим пришло ледяное понимание.

Иномирянка.

Слово не хотелось произносить вслух. Оно притягивало Совет, как кровь — хищников.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил он тихо.

Она улыбнулась одним уголком рта — не кокетством, чем-то сухим.

— Это значит, что мне некуда идти, — сказала она. — И что я уже вляпалась. Сначала в кровь, теперь — в вас.

Валерион не позволил себе реакции. Ни смешка, ни злости. Только отметил: она использует дерзость как щит. Значит, под ним есть слабое место — и оно сейчас невыгодно ни ей, ни ему.

Он резко убрал давление ауры. Воздух отпустило. Тишина

купола осталась, но стало легче дышать.

— Совет узнает — и тебя разберут по костям, — сказал Валерион. — Не ради знаний. Ради рычага.

Она не спросила «какой Совет». Не уточнила. Значит, уже слышала. Или слишком быстро училась.

— А вы? — спросила она. — Зачем вам я?

Валерион посмотрел на свою ладонь — ту самую, которой он держал край подоконника в шторме. На секунду пальцы дрогнули, как будто вспоминали её тепло на его запястье. Он спрятал руку в складку мундирного рукава.

— Ты — риск, — сказал он. — И одновременно... возможность.

Она чуть наклонила голову.

— Вы хотите лечиться? — спросила она.

Слова прозвучали спокойно, будто речь о перевязке, а не о проклятии, которое уже унесло половину его жизни.

Валерион выдержал паузу.

— Я хочу жить, — сказал он.

Это была констатация, произнесённая как приговор себе и миру.

Тая медленно вдохнула. Её взгляд скользнул по его шее — по темным венам, по напряжению челюсти, по тому, как он держит плечи. Глаза врача. Холодные, внимательные.

— Тогда вам нужно перестать тратить силы на давление, — сказала она. — И дать мне хотя бы понять, что с вами происходит.

Валерион усмехнулся краем губ — почти незаметно.

— Ты разговариваешь так, будто у нас контракт, — сказал он.

— А у нас нет? — ответила она.

Валерион посмотрел на неё, и в груди снова потянуло. Флуksус Магикус отозвался на эту близость странно: не вспышкой, не штормом — дрожью, как у зверя, который слышал знакомый запах.

Он не мог позволить себе держать её в кабинете дольше без страховки. И не мог отпустить.

Значит, нужен Кассиан.

Валерион отвёл взгляд, чтобы она не увидела, как он собирает волю, и послал тонкую нить ментального вызова в глубину Академии.

Ответ пришёл быстро. Слишком быстро для того, кто обычно исчезает в коридорах, смеясь и поджигая воздух.

— *Вэл?*— голос Кассиана прозвучал в сознании резко, живо. — *Я на занятии. Кто умер?*

— *Тише,*— отрезал Валерион. — *Мне нужно, чтобы ты пришёл в мой кабинет. Сейчас.*

— *Так плохо?*— мгновенно стал другим голос брата. Без шутки. Короткий, собранный. — *Шторм?*

Валерион не ответил прямо.

— *Придёшь — увидишь,*— сказал он. — *И проверь одну... адептку. Ту, что устроила резню в коридоре.*

В сознании мелькнуло искреннее, почти детское любо-

пытство Кассиана.

— *О, это та с пером?*— Голос стал легче, но внизу уже лежала настороженность. — *Я слышал. Пол-Академии орёт.*

— *Пол-Академии умеет орать,* — холодно сказал Валерион. — *Мне нужны факты.*

— *Понял,* — отозвался Кассиан. — *Иду.*

Нить оборвалась.

Валерион вернул внимание к Тае. Она смотрела на него так, будто заметила паузу, но не стала её заполнять. Умение ждать — редкость.

— Ты не выйдешь из этого кабинета одна, — сказал Валерион.

— Я заметила, — сказала она.

— Это не угроза, — произнёс он. — Это условие выживания.

Она качнула головой.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда условие с моей стороны: я хочу вымыть руки.

Валерион перевёл взгляд на кровь. Представил, как кто-то из старших лекарей увидит это в его кабинете. Представил, как по Академии поползёт не шёпот, а уверенность: ректор скрывает что-то. Не «что-то». Кого-то.

— Секретарь принесёт воду и зелье, — сказал он.

Тая фыркнула тихо.

— Секретарь... — повторила она, будто слово было смешным.

— Что? — спросил Валерион.

— Ничего, — ответила она. — Просто на моей... родине... если бы я пришла к начальству с чужой кровью на руках, меня бы сначала отправили в санпропускник, а потом — на допрос.

Она сказала это буднично. Без жалоб. И снова это «на моей родине», произнесённое так, словно она не играла.

Валерион сделал вид, что не зацепился за «санпропускник». Он не знал, что это, но понимал: у неё есть свой порядок мира. И она пытается держаться за него, чтобы не развалиться.

Он щёлкнул пальцами, активируя руновый колокол у двери. Через минуту вошёл секретарь — без имени, с опущенным взглядом. Валерион приказал принести тёплую воду, ткань и зелье для обработки кожи.

Секретарь исчез так же быстро.

— Ты понимаешь, что, если Совет узнает, они возьмут тебя не под защиту, а под замок? — спросил Валерион, когда снова остались вдвоём.

— Вы говорите так, будто вы — лучше, — сказала Тая.

— Я — опаснее, — поправил Валерион.

Она усмехнулась.

— Это я уже тоже заметила.

Её дерзость звучала почти спокойно. Но Валерион видел: пальцы у неё дрожат мелко, честно. Адреналин не исчезает по приказу, даже если человек держит лицо.

Дверь снова открылась. Секретарь поставил на стол таз с тёплой водой, чистую ткань и маленький флакон. Запах у флакона был резкий — спиртовой, с ноткой полыни. Достаточно сильный, чтобы отбить вонь крови.

Тая опустила руки в воду; та сразу порозовела. Она мыла их тщательно и упорно: под ногтями, между пальцами, до покраснения кожи. Цена грязи была ей слишком хорошо известна.

Валерион поймал себя на странной мысли: Мирана никогда не мыла бы руки так. Ей бы это показалось унижительным.

Тая подняла взгляд на флакон.

— Это антисептик? — спросила она и тут же осеклась, будто слово было слишком длинным и чужим. — То есть... зелье для ран.

Валерион отметил корректировку. Умна. Быстро учится. — Для обработки, — сказал он.

Она смочила ткань и протёрла кожу. Вздогнула, когда зелье попало на свежие ссадины, но не отдёрнула руки.

— Теперь, — сказал Валерион, — мы поговорим о сделке.

Тая подняла на него глаза.

— Вы всё-таки признаёте, что это сделка, — сказала она.

— В этом мире всё — сделка, — ответил Валерион. — Особенно выживание.

Он не стал говорить ей о том, что его Флуксус Магикус уже один раз откликнулся на неё, как на свою. Что это само

по себе было преступлением против здравого смысла.

— Ты останешься в Академии, — произнёс он. — И будешь под моим надзором.

— Под охраной, — уточнила Тая.

— Под надзором, — повторил Валерион. — Разница есть. Охрана — чтобы держать пленника. Надзор — чтобы не дать убить.

— Кто меня будет пытаться убить? — спросила она.

Валерион посмотрел на неё долго.

— Те, кто захотят получить меня через тебя, — сказал он.

— И те, кто захотят получить тебя через меня.

Она молчала. Вода в тазу была уже почти холодной. Руны на стене мерцали, как спокойный пульс, но Валерион знал: это спокойствие искусственное.

— А что взамен? — спросила Тая.

Вопрос был правильным. Вопрос взрослого человека, который не верит в милость.

— Взамен ты получаешь защиту, — сказал Валерион. — От Совета. От врачей. От академических сплетен, которые способны убить быстрее клинка.

— И что получаете вы? — уточнила она.

Валерион не отвёл взгляда.

— Правду, — сказал он. — И возможность.

Она медленно выдохнула.

— Я не могу обещать вам чудо, — сказала Тая. — Я могу обещать работу.

Слова прозвучали сухо. И именно поэтому Валерион поверил им больше, чем клятвам.

В дверь постучали — один короткий удар, два быстрых. Сигнал Кассиана.

Валерион снял купол тишины и открыл.

Кассиан вошёл стремительно, как огонь в щель. Взгляд скользнул по Тая, по тазу с водой, по следам инея на окне, по напряжённой линии плеч брата.

— Ну, — сказал он вслух, уже с ухмылкой. — Это она.

Его голос был короче и легче, чем у Валериона, и от этого в кабинете стало теснее, а не проще: хаос всегда притягивает внимание.

Тая посмотрела на него оценочно, как на нового пациента. Взгляд задержался на руках — слишком живых, слишком быстрых.

— Это мой брат, — сказал Валерион. — Кассиан Дархольд.

— Приятно, — сказала Тая. — Если у вас в семье все так здороваются с «подозреваемыми», у меня есть вопросы к воспитанию.

Кассиан усмехнулся шире.

— О, — сказал он. — Она кусается.

Валерион не дал разговору расползтись.

— Проверь её, — приказал он.

Кассиан мгновенно стал серьёзнее. Подошёл ближе, не касаясь. Его взгляд стал цепким, почти профессиональным —

не лекарским, другим. Безопасность.

— Кто ты? — спросил Кассиан.

— Тая, — ответила она.

— Тая... — повторил Кассиан и покосился на брата. —

Не местное имя.

— Я уже слышал, — холодно сказал Валерион.

Кассиан понял намёк. Не задавать лишних вопросов вслух.

— Хорошо, Тая, — сказал он. — Ты умеешь гасить магию?

— Я умею держать пульс, — ответила она. — А вы — умеете задавать вопросы так, чтобы потом верить ответам?

Кассиан прищурился, но вместо раздражения у него мелькнул интерес.

— Док... — начал он автоматически и осёкся на полуслове, будто сам себе наступил на язык. — Ладно. Неважно.

Валерион отметил это «док». Брат не раздавал прозвища просто так. Значит, её профессия уже просачивалась наружу — по манере, по взгляду, по словам.

Это было опасно.

— Кассиан, — сказал Валерион, — ты понял приказ.

Кассиан кивнул один раз.

— Да, — сказал он уже без улыбки. — Проверю. Тихо. Если она шпионка — изолирую в тайном карцере. Никто не узнает.

Тая не дернулась, но её подбородок поднялся выше.

— Тайный карцер, — повторила она. — Звучит гостеприимно.

— Это не гостеприимство, — сказал Валерион. — Это страховка.

Он сделал шаг к столу, открыл ящик и достал небольшой амулет — плоский, тёмный, с серебряной вязью по краю. Металл был ледяным и сухим. Никакого жара, как у её медальона. Совсем другая работа.

— Это временный амулет-пропуск, — сказал Валерион. — Он проведёт тебя по моему крылу и защитит от случайных проверок. Без него тебя остановит первый же стражник, и у меня не будет времени вытащить тебя из допросной.

Он положил амулет на стол перед ней.

Тая посмотрела на него, потом подняла глаза.

— «Случайные проверки», — повторила она. — У вас тут всё случайно?

Кассиан фыркнул.

Валерион не улыбнулся.

— Согласна на условия? — спросил он.

Она перевела взгляд на амулет, потом на свои чистые руки, потом — на кровь, которую не до конца удалось отмыть из складок кожи. На секунду она задержала дыхание — коротко, как перед тем, как войти в операционную.

— Согласна, — сказала она. — При одном условии.

Валерион не перебил. Ему нужны были границы. Чёткие. Письменные, если возможно.

— Если вы решите отдать меня Совету, — произнесла Тая, — вы скажете мне об этом заранее. Не в момент, когда меня уже ведут под конвоем.

Кассиан поднял бровь.

Валерион посмотрел на неё долго.

— Ты ставишь условия лорду-ректору, — сказал он.

— Я ставлю условия человеку, который хочет жить, — ответила она. — Вы же сами сказали: всё — сделка.

В груди у Валериона снова потянуло. Флуксус Магикус дернулся — не штормом, а жалом. Он не позволил боли изменить голос.

— Я не отдаю своих, — сказал он. — Но предупреждение... ты получишь.

Это было больше, чем ей следовало дать. И меньше, чем хотелось бы — если думать о том, что её прикосновение уже однажды остановило бурю.

Тая взяла амулет. Коснувшись кожи, металл будто сел на неё меткой, и она вздрогнула. Руны на серебряной вязи вспыхнули едва-едва и погасли.

Медальон на её груди, напротив, потеплел — словно ревно.

Валерион отметил это как угрозу. Связь не терпит чужих печатей.

— Кассиан, — сказал он, — ты отвечаешь за тишину. Никто не должен знать. Ни лекари, ни магистры. Ни Совет.

Кассиан кивнул.

— Понял, Вэл.

— А ты, Тая, — сказал Валерион, — теперь под моей защитой и под моим надзором. Ты будешь жить там, где я смогу тебя найти за одну минуту. Не из прихоти. Из необходимости.

Она прищурилась.

— «Жить там» — это где? — спросила она.

Валерион сделал шаг ближе, и холод в воздухе обозначил границу.

— В моём крыле, — сказал он. — В комнате рядом с моими покоями.

Кассиан тихо присвистнул, но тут же поймал взгляд брата и замолчал.

Тая не отшатнулась. Только плечи стали жёстче.

— Это звучит как вынужденное сожительство, — сказала она. — Я правильно понимаю, что у меня будет дверь, которая закрывается?

— Будет, — ответил Валерион. — И у тебя будет право сказать «нет» любому прикосновению. Ты здесь не для развлечения.

Она задержала взгляд на его лице.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда у нас действительно сделка.

Валерион повернулся к Кассиану.

— Проводи её, — приказал он. — И поставь стражу так, чтобы она не чувствовала себя в клетке. Но чтобы она не

исчезла.

Кассиан кивнул.

— Как скажешь.

Тая поднялась. Амулет-пропуск лежал у неё в ладони, как тяжёлая монета. Медальон на груди оставался тёплым.

Она посмотрела на Валериона.

— Вам сейчас... лучше? — спросила она.

Вопрос был простой. Честный. И этим раздражал.

— Мне сейчас контролируемо, — сказал Валерион.

Она кивнула, будто приняла это как рабочую формулировку.

— Тогда до следующего приступа, милорд, — сказала Тая и пошла к двери.

Кассиан открыл ей, жестом показал выход. Тая прошла. Дверь закрылась.

В кабинете снова стало тихо.

Валерион позволил себе опереться ладонью о стол. Дерево под пальцами было ледяным. Боль в груди тянула упрямо, как старая рана. Но теперь к боли добавилось другое — новая переменная, которая могла стать лекарством или лезвием у горла.

Если Совет узнает о ней, они используют её против него.

Если враги узнают — они сделают то же самое.

Валерион посмотрел на иней в углу окна и медленно выдохнул.

— Тень, — произнёс он вслух, проверяя слово.

Он не любил тени. Но сегодня они стали единственным местом, где можно спрятать то, что ещё не поздно спасти.

Глава 5

Тая

Комната рядом с покоем лорда-ректора была слишком тихой.

Комната была неудобной, но выверенной. Камень держал постоянную температуру, без сквозняков. Руны под штукатуркой светились так сдержанно, будто боялись задеть глаз. Кровать была шире, чем в общежитии, простыня пахла мятой и дымом, а дверь действительно закрывалась тяжёлым замком — сухо и окончательно.

Тая проснулась рано: тело само подняло её на несуществующую смену.

На столе стоял таз с водой и ткань. Вчерашний флакон с зельем для обработки кожи — почти пустой. Она вымыла руки снова, с тем же упрямством, до покраснения. Под ногтями всё ещё держалась тонкая тёмная полоса — не грязь, память.

Горячего душа не было. Вместо него — кувшин с тёплой водой, которую принесли в ночи. Она вылила половину на плечи, половину — на голову, и это было настолько не похоже на Землю, что в горле встал короткий сухой смешок. На Земле она бы сейчас нажала кнопку кофемашины и слушала бы, как капли падают в стакан. Здесь капли падали только из кувшина — и пахли травами.

Медальон-сердце лежал на груди тёплым пятном. Амулет-пропуск — ледяной пластиной в ладони. Тая повесила его на шнурок поверх формы и проверила: металл не жёг, не дрожал, просто был тяжёлым, как ключ от чужой квартиры.

За стеной раздались два вымеренных шага. Так ходил не стражник, а человек, который не спешит, потому что мир и так подвинется.

Медальон на груди потеплел на секунду сильнее, как отклик.

Тая застыла, глядя на дверную щель, хотя шаги прошли дальше и стихли. Сердце ударило чаще, потом вернулось к своему ритму. Никакой мистики — нервная система просто запоминала закономерности.

Она вышла в коридор.

Стражник у поворота молча отступил на шаг, увидев амулет-пропуск. Не поклонился. Просто перестал быть препятствием. Тая отметила это как самый честный вид власти: не слова, а физика пространства.

Путь до корпуса зельеварения занял меньше времени, чем она ожидала. Академия жила уже с утра. По галереям шли адепты в форме, кто-то нёс книги, кто-то — ящики с травами, кто-то держал над ладонью маленький шар света, который дрожал, как свеча на ветру. В воздухе стоял устойчивый запах влажного камня и горьких настоев. Где-то выше гудело, низко, ровно — как огромный трансформатор под землёй.

Тая поймала себя на том, что ищет глазами привычные вещи: таблички, расписание, указатели. Здесь вместо них были руны на стенах. Они вспыхивали, когда кто-то проходил мимо, и гасли, когда коридор пустел. Движение отмечалось светом, как пульс на мониторе.

У двери мастерской её остановила студентка-староста — сухая, строгая, с жестом человека, который привык командовать.

— Тебя перевели? — спросила она, и взгляд скользнул по амулету.

— Мне сказали прийти на занятие, — ответила Тая.

Слова давались уже легче. Язык слушался, но иногда цеплялся за непривычные сочетания, как инструмент за тугую фасцию.

Староста нахмурилась, будто пыталась решить задачу, которую ей не задавали.

— Ты... из крыла лорда-ректора? — уточнила она тише.

Тая не ответила прямо. Подняла ладонь и показала амулет.

Этого хватило. Староста отступила и открыла дверь.

Мастерская зельеварения встретила запахом, который забивал всё: горелые травы, кислое, сладковатое, дым и влажная медь. Под потолком висели крючья, на них — пучки растений, кое-где уже обугленные по краям. На длинных столах стояли котлы — чёрные, закопчённые, с налётом так, будто их никогда не мыли. На дне некоторых был толстый слой за-

сохшей массы, как цемент.

Тая остановилась на пороге, и нос сам сделал короткий вдох-оценку: воняет так, будто здесь неделю не проветривали и варили всё подряд.

На Земле за такую лабораторию санитарный врач бы закрыл кафедру на три дня и заставил всех сдать смывы. Здесь смывы, видимо, считались ненужной роскошью.

Она подошла к своему месту. Котёл был тёплый — его кто-то прогрел заранее. Внутри — тёмный налёт. Тая провела по краю пальцем и увидела, как остаётся серая полоса.

Стерильность, ага.

Сбоку лежали ингредиенты: высушенные лепестки, кусочки корня, порошок, похожий на толчёный мел, и стеклянная бутылочка с прозрачной жидкостью. Рядом — деревянная ложка и тканевый фильтр, грубый, как марля в деревенской аптеке.

Тая наклонилась над листом задания. Слова были ровные, академические, с терминами, которые она ещё не знала, но структура угадывалась: последовательность, пропорции, время.

Около неё adeпты уже шептали формулы, кто-то чертил на воздухе мелкие знаки — линии вспыхивали и исчезали, оставляя после себя слабый запах озона. Над несколькими котлами поднялся ровный пар, будто температура держалась без огня.

Тая посмотрела на очаг под своим котлом. Там лежали

угли — настоящие, серые. Значит, здесь грели по-старинке. Или не для всех работала «магическая плита».

Она подожгла угли длинной лучиной, не пытаясь изображать, что умеет колдовать. Пламя взяло сразу, дым вонзился в лицо. Тая отодвинулась и прикрыла нос рукавом. На Земле вытяжка бы проглотила это за секунду. Здесь вытяжкой был высокий потолок и надежда.

Она разложила ингредиенты по порядку, как инструменты перед операцией. Мозг успокоился, когда появилась последовательность.

Сначала — настой. Потом — фильтрация. Потом — температура. Потом — реакция.

Тая бросила в котёл лепестки и корень, залила водой из общей бочки. Вода пахла железом. Она помешала ложкой, отметила цвет: слишком тёмный, значит, экстракция идёт быстро — либо сырьё сильнее, либо температура выше.

Она снизила огонь, отодвинув угли. Рука сделала это автоматически, как у человека, который привык дозировать не словами, а миллиметрами.

Пока настой тянулся, она смотрела вокруг.

Адепты работали иначе. Они не мерили, они задавали намерение. Кто-то держал ладонь над котлом — и жидкость внутри начинала кружиться по стенкам ровным вихрем. Кто-то щёлкал пальцами — и поверхность вспыхивала тонкой белой пеной, которую тут же втягивало обратно.

У Таи ничего не кружилось. Зато она могла сделать так,

чтобы осадок остался в фильтре, а раствор стал чистым.

Когда настой дошёл до нужного оттенка — густого, как крепкий чай, — она сняла котёл с огня и поставила рядом. Дала осадку осесть. Потом медленно перелила через ткань, не спеша, чтобы не поднять муть.

Ткань пропускала плохо. Тая сжала губы и нашла в углу мешок с песком для подсыпки. Насыпала тонкий слой в фильтр — как примитивная колонка. Не лаборатория, конечно, но принцип работал.

Раствор стал светлее и прозрачнее, как будто кто-то вымыл его изнутри.

Она добавила порошок — по щепотке, наблюдая, как жидкость меняет вязкость. Порошок зашипел, на поверхности поднялись маленькие пузырьки. Тая отступила на полшага, чтобы не вдыхать. В нос врезался резкий запах — кисло-металлический. Она вспомнила, как пахнет, когда в операционной открывают упаковку свежего антисептика. Почти так же, только без спирта.

Тая вернула котёл на огонь и держала температуру руками, как держат рану в фокусе: не отвлекаясь.

По заданию на этом этапе адепты должны были «оживить» состав — вложить в него магию, чтобы зелье стало активным. Тая читала строку и видела чужой мир, который требовал того, чего у неё не было.

Она попробовала сделать то, что делали другие. Подняла ладонь над котлом. Закрыла глаза на секунду и представила,

что тепло идёт из руки вниз, в жидкость.

Ничего.

Только кожа на ладони подсохла от жара.

Тая открыла глаза и посмотрела на настой. Он был идеален по физике: чистый, ровный, без осадка, без сгустков. Но над котлом не возникало ни искры, ни светящегося налёта. Зелье не «дышало» магией, как у соседей.

— У тебя будет пустышка, — прошептал кто-то рядом, не злобно, скорее с любопытством.

Тая не повернула голову. Она продолжала мешать, пока состав не дошёл до нужной густоты. Потом сняла с огня и перелила в стеклянный флакон. Жидкость внутри была прозрачной с лёгким янтарным оттенком — как хороший раствор в лаборатории.

Красиво. Мёртво по местным меркам.

Она закрыла пробку и поставила перед собой. Флакон был тёплым. Внутри не было ни одного пузырька — чистота, которой добиваются не магией, а руками.

— Адепты, — прозвучал голос у двери.

Тая подняла взгляд.

Вошла Эльвира Вейл.

Платье на ней было дорогим — тёмная ткань, швы ровные, отделка тонкая. Волосы уложены идеально. Движения — лёгкие, как у человека, который привык, что ему уступают дорогу.

И всё это ломалось о деталь внизу: туфли. Кожа была хо-

рошая, но носки стоптаны, каблуки сбиты. Такие туфли носят долго, потому что купить новые не на что, даже если платье куплено в долг или подарено за услугу.

Эльвира прошла между столов, не касаясь ни одного котла. Воздух вокруг неё пах сладко и холодно — не духами, чем-то магическим. Руны на стенах мастерской вспыхнули на секунду ярче, будто приветствовали её.

Она остановилась у первого стола, заглянула в котёл, произнесла пару слов — и поверхность зелья у студента тут же покрылась тонким серебристым налётом, как инеем на стекле.

— Лучше, — сказала Эльвира. — В следующий раз не забывай о третьем контуре.

Студент кивнул, краснея.

Эльвира дошла до Таи и задержалась у её стола дольше, чем нужно.

— Адептка Мирана, — произнесла она, и имя прозвучало как перчатка, брошенная на пол. — Ваша слава бежит быстрее вас. Сегодня уже половина Академии шепчет про горло, кровь и перо.

Тая выдержала взгляд.

— Сегодня уже половина Академии имеет возможность учиться дальше, — ответила она.

Эльвира улыбнулась, не раскрывая зубов.

— Смелость, — сказала она. — Или отсутствие воспитания. Покажите результат.

Тая подвинула флакон.

Эльвира взяла его двумя пальцами, как сомнительную вещь. Подняла к свету.

Жидкость была чистой, без примесей. В ней не было ни одной искры.

Эльвира чуть наклонила флакон, наблюдая, как стекает по стенке. Потом поставила обратно.

— Это вода с красивым цветом, — сказала она спокойно. — Без магического ядра. Без «жизни».

— Это раствор, — ответила Тая. — С заданными свойствами. Если вам нужен эффект — скажите, какой.

Эльвира наклонилась ближе, и Тая почувствовала её ауру — не такую, как у Валериона, другую: тонкую, режущую, как стекло.

— Здесь не больница, — сказала Эльвира тихо. — И вы не хирург.

Слово «хирург» прозвучало так, будто его попробовали на языке и решили, что оно грязное.

Тая не поправила. Не сказала «я хирург». Не сейчас.

— Здесь Академия, — продолжила Эльвира. — И у нас есть правила. Если вы не способны вложить магию, вы не способны учиться.

Тая положила ладони на стол. Пальцы отозвались мелкой дрожью — не от её слов, от того, что помещение пахло дымом и травами, а ей хотелось стерильной тишины и звука автоклава, который набирает давление.

— Я способна работать, — сказала Тая. — И способна учиться. Просто не так, как вы привыкли.

Эльвира выпрямилась.

— Посмотрим, — произнесла она.

И, будто случайно, двинулась мимо — так, что её рукав задел край стола.

Котёл качнулся.

Флакон с зельем ударился о дерево, пробка вылетела. Жидкость хлынула вниз, по столу, на пол, смешиваясь с пеплом и пылью.

Тая посмотрела на расплзающуюся лужу. Состав был идеальный по её меркам. Теперь он превращался в грязь, которую здесь никто не будет отмывать.

Вокруг стало тихо. Даже котлы будто перестали булькать на секунду.

Эльвира посмотрела на лужу и медленно, очень аккуратно, отступила, чтобы не испачкать платье. Туфли всё равно коснулись края жидкости, и на коже остался тёмный след.

Тая подняла глаза.

— Какая неловкость, — сказала Эльвира. — Придётся повторить. После занятия останетесь и вымоете пол. В одиночку.

Тая встала. Медленно, без резкости. Внутри всё собралось в ту же точку, что на Земле собиралось перед конфликтом с начальством: ровная линия, без лишних слов.

— Грязь, леди, это то, что не смывается, — сказала она.

— Например, ваша репутация.

Фраза вонзилась в мастерскую сильнее, чем падение котла. Несколько адептов втянули воздух. Кто-то тихо хмыкнул и тут же замолчал.

Эльвира замерла.

Её улыбка не исчезла, но стала тоньше. Пальцы на мгновение сжались так, что побелели.

— Вы забываетесь, — сказала она.

— Я помню, — ответила Тая. — Я помню, что вы преподаватель. А я — адептка. И что вы только что нарочно испортили мой результат.

— Доказательства? — Эльвира наклонила голову.

Тая посмотрела на лужу, потом на рукав Эльвиры. На ткани не было ни пятна. Всё сделано аккуратно.

— Нет, — сказала Тая. — Доказательств нет.

Эльвира улыбнулась шире.

— Тогда остаётся дисциплина, — произнесла она. — Иерархия. Она держит Академию в порядке.

Тая почувствовала, как под рубашкой амулет-пропуск прижался к коже. Тяжесть напомнила: у неё есть рычаг, о котором она ещё не знает деталей.

Она не стала доставать амулет и махать им. Она просто посмотрела на Эльвиру и сказала:

— Тогда попробуйте.

На секунду руны на стенах вспыхнули чуть ярче — или это Тая так увидела. Воздух стал суше, как перед разрядом.

Эльвира шагнула ближе. Совсем близко. И Тая заметила: на переносице у Эльвиры тонкая, почти невидимая морщина — от привычки держать лицо, когда внутри всё иначе. И заметила снова туфли — сбитый каблук, который выдавал каждую её попытку выглядеть безупречно.

— Я поговорю с лордом-ректором, — сказала Эльвира тихо. — Вы — плохая инвестиция.

Тая не отвела взгляд.

— Поговорите, — сказала она. — Но не забывайте: кровь в коридоре уже видели. И если вы будете давить слишком заметно, Академия снова начнёт шептать. Только громче.

Эльвира задержала взгляд на её амулете. Мгновение — и Тая поняла: преподаватель увидела печать. Поняла, откуда «перевели» адептку Мирану.

Эльвира отступила на шаг.

— Занятие продолжить, — сказала она вслух.

Котлы снова зашумели. Кто-то резко выдохнул. Кто-то опустил голову к своим записям так, будто ничего не было.

Тая медленно опустилась на стул. Лужа на полу блестела янтарём и грязью. В пальцах чесалось желание достать тряпку, вытереть, восстановить порядок. Но порядок здесь был другой. Здесь порядок пытались делать людьми.

Она взяла чистый флакон, поставила рядом и начала заново раскладывать ингредиенты. Руки работали чётко. Глаза держали поле зрения широким, отмечая движения Эльвиры, шепоты, слишком резкие взгляды.

Если это война, значит, нужно запоминать правила.

Валерион:

Зеркало на стене кабинета показывало мастерскую так, будто Валерион стоял в углу, в тени, и никто его не видел.

Он не любил следить. Это пахло слабостью. Но слабость стала роскошью, которую он не мог себе позволить.

Боль под ребром держалась ровной, тянущей. Флукусус Магикус не рвался в шторм — пока. Валерион сидел за столом, пальцы лежали на дереве, и от его кожи расползлся по поверхности тонкий иней, как паутина на стекле.

В зеркале Тая стояла у стола. Спина прямая. Руки чистые — уже без крови, но следы всё равно были: в жестах, в том, как она держала пространство. Она работала иначе, чем адепты. Не «вкладывала». Делала. Грела. Фильтровала. Дожидалась осадка. Дисциплина вместо намерения.

Её флакон оказался чистым, правильным. И пустым по меркам магии.

Валерион видел, как Эльвира Вейл вошла в мастерскую. Дорогое платье, безупречная осанка. И — стоптанные туфли. Бедность, прикрытая тканью. Долг, который держит человека крепче любой клятвы.

Эльвира остановилась рядом с Таей слишком близко. Слишком долго. Пальцы её руки двинулись так, будто «случайность» заранее отрепетировали.

Флакон упал. Жидкость разлилась.

Валерион не изменился в лице. Но внутри что-то сдвину-

лось — не гневом, другим: точкой льда, которая выбирает приоритеты.

Тая поднялась и сказала фразу, от которой мастерская замерла. Валерион видел, как шевельнулись губы у адептов. Как у Эльвиры дрогнули пальцы.

Тая не просила защиты. Не жаловалась. Не оправдывалась. Она просто ударила словом так, как на Земле бьют зажимом по сосуду: точно, чтобы остановить кровь.

В уголке рта Валериона обозначилась тень улыбки — на мгновение, почти болезненно.

Она кусалась. Хорошо.

Он отодвинул зеркало, чтобы не смотреть дальше. Слишком долго держать её в поле зрения было опасно для контроля: медальон на ней уже однажды заставил Флуксус Магикус откликнуться.

Валерион нажал руновое колокол. В кабинет вошёл секретарь — без имени, с опущенным взглядом.

— Выпишите приказ о неприкосновенности адептки Мираны, — сказал Валерион. — Под моей личной защитой. Любое вмешательство — считать попыткой навредить мне.

Секретарь замер на долю секунды. Потом кивнул.

— Да, милорд.

— И ещё, — добавил Валерион. — Передайте магистрам: дисциплинарные меры в отношении адептки Мираны согласовываются только через мой кабинет.

Секретарь снова кивнул и вышел.

Валерион остался один. Боль под ребром потянула сильнее — как напоминание о цене любой силы.

Он посмотрел на свои пальцы. На тонкий след инея, который они оставили на столе.

Защитить её значило сделать из неё мишень.

А отказаться от защиты означало отдать её в руки тем, кто уже начал проверять её на прочность.

Валерион сделал медленный вдох, удерживая боль внутри границ.

И приказал себе запомнить: у этой адептки слишком прямой взгляд для той, кто «по ошибке» оказался в его крыле.

Глава 6

Тая

Приказ о неприкосновенности работал как хирургическая повязка: не лечил, но закрывал место, куда привыкли тыкать.

Дошло ещё по дороге из корпуса зельеварения. В коридоре ей навстречу шла группа адептов, вчерашних свидетелей «пера»; они уже набирали воздух, чтобы шепнуть что-то в спину, но увидели амулет-пропуск и резко вспомнили про свои дела. Один из них отвёл взгляд так быстро, будто обжёгся. Другой, наоборот, посмотрел пристально, проверяя, сколько стоит теперь её свобода.

Тая шла дальше и держала шаг ровным. Слова Эльвиры Вейл ещё лежали где-то на дне, как камень, но сверху уже выросла работа.

Работа в этом мире начиналась с информации.

Флуксус Магикус. Штормы. Блокираторы. Совет. Истинная Пара. Слишком много терминов, слишком мало схемы. Если она останется здесь надолго, ей нужны будут не только чужие правила — ей нужна будет карта, по которой можно принимать решения, не на ощупь.

Путь был очевиден: библиотека.

Она нашла вход по рунной дорожке на стене: тонкая серебряная вязь тянулась по камню и становилась ярче там, где сворачивали коридоры. Не стрелки и таблички, а свет,

который делал вид, что он часть архитектуры. Над дверью в библиотеку мерцал круглый знак, похожий на отпечаток ладони, и когда Тая подошла ближе, он вспыхнул на секунду, словно узнал амулет на её груди.

Внутри воздух был иной — сухой, холодный, с запахом старой бумаги и пыли, которая въелась в камень. Где-то далеко капала вода: не громко, но равномерно, как метроном.

Она шагнула в зал и услышала, как за спиной тяжело закрылась дверь — глухо, будто библиотека сама решала, кого впускать и выпускать.

За стойкой сидел библиотекарь — функциональный, бесцветный, с лицом человека, который давно перестал задавать вопросы. Он взглянул на амулет-пропуск, потом на медальон-сердце, задержал взгляд на секунду дольше, чем нужно, и сразу отвёл.

— Запрос? — спросил он.

Тая на секунду задумалась, как сформулировать так, чтобы не звучать иномирно и не выдавать, что она понятия не имеет, с чего начать.

— Флюксус Магикус, — сказала она. — Болезни каналов. И... блокираторы.

Библиотекарь едва заметно вздрогнул: пальцы чуть сильнее сжали перо, которым он делал пометки в журнале.

— Общая секция, — произнёс он. — Вторая галерея. Полка с медицинскими трактатами. Запретные разделы... не для адептов.

— Я не спрашивала про запретные, — сказала Тая.

Неправда. Но Камень Правды здесь не лежал на стойке, и никто не заставлял её держать язык в стерильности.

Библиотекарь кивнул и снова стал пустым.

Тая поднялась во вторую галерею по узкой винтовой лестнице. Ступени были истёртые, холодные. Руна на стене рядом с лестницей мерцала слабым светом, чтобы нога не сорвалась в тень. На каждом пролёте висели металлические кольца — не украшение. На одном из них цепь уходила вниз, к книге, которая висела на уровне груди, как привязанный зверь.

Книга заметила её.

Не взглядом. Движением. Переплёт дёрнулся на цепи, страницы зашелестели, будто внутри кто-то шевельнулся. На коже переплёта выступили тонкие серебристые прожилки, похожие на сосудистую сетку. Тая остановилась, не подходя ближе: цепь толстая, металлическая, крепление в камне надёжное. Значит, рвётся она регулярно.

Книга снова дёрнулась, цепь звякнула. Из щели между страницами выскользнуло что-то тонкое и чёрное — как язык. Оно шлёпнуло по воздуху, вернулось, снова выскочило. Тая уловила запах: пыль, кислая плесень и что-то сладковатое, неприятное, как разлагающееся яблоко.

— Прекрасно, — пробормотала она. — Литература с характером.

Она пошла дальше к полкам общей секции. Там книги

стояли обычными рядами: корешки, подписи, номера. Тая вытянула первый попавшийся трактат с пометкой «Флуксус Магикус: анатомия каналов», поставила на стол у окна и открыла.

Шрифт был крупный, аккуратный. Иллюстрации — схематичные: силуэт тела, от плеча к кисти тянулись линии, как сосуды, только расположены иначе, в непривычных местах. Некоторые линии были отмечены точками — узлами. Подписи говорили о «переломах канала», «заторе», «ожоге» и «выгорании». Тая читала и мысленно переводила на свой язык: система распределения, которая забивается, воспаляется, рвётся. Аналог вен? Нет, скорее сеть с собственной физикой.

Она листала быстро, выхватывая структуру: симптомы, осложнения, вмешательства. На странице про хирургическое лечение её рука замерла. Здесь действительно говорили о механическом разрезе и сшивании канала. Не «вылечили магией», а «вскрыли» и «восстановили».

Мозг цеплялся за знакомое. Здесь можно работать.

Но рядом с фразой «каналы откликаются на внешнее давление» шёл абзац о том, что у некоторых людей «пустое поле», нечувствительное к ментальным воздействиям. Тая задержала взгляд. «Пустые сосуды», называли их в тексте. У таких не удавалось «успокоить» приступ внушением или иллюзией.

«Пустой сосуд», всплыло. Её же метка в этом мире, о ко-

торой она пока знала только то, что она не поддаётся ментальной магии.

И если в этом мире редкость — значит, редкость быстро превращается в инструмент.

Она закрыла книгу и спрятала мысль глубже.

Уходить отсюда нужно с фактами, а не с догадками.

Тая взяла следующий трактат — «Классификация блокираторов». Внутри было меньше схем, больше предупреждений. «Блокирующее поле», «подавление каналов», «тошнота у магов при контакте с димеритом». Димерит был подчеркнут, как отдельная тема. Тая перечитала: металл, который блокирует магию, вызывает тошноту у магов.

Её взгляд скользнул к амулету-пропуску на груди. Металл там был холодный и сухой, но тошноты у неё не было. Значит, он не из димерита. Или на неё не действует так же.

Она ещё раз пролистала, выхватывая важное: блокираторы могли быть артефактными, могли быть природными, могли быть людьми. Про людей текст говорил скупое, как о болезненной теме: «редкий феномен», «опасность для стабильности каналов», «используется Советом в исключительных случаях».

Используется.

Тая закрыла книгу. Внутри холодно щёлкнуло: если Валерион прав, и Совет захочет взять её как рычаг, то слово «используется» будет не метафорой.

Она поднялась из-за стола и пошла вдоль галереи, делая

вид, что просто выбирает следующую книгу. На самом деле она отслеживала: где стоят кольца, где цепи, где свет руны становится тусклее. Чем дальше от общей секции, тем меньше было людей и тем больше — пустоты.

Запретная секция, сказала она себе. И тут же услышала внутри насмешку: конечно, ты туда пойдёшь. Это же ты.

Тая остановилась у очередной цепной книги. Эта была толще, переплёт темнее, а цепь — двойная, с дополнительным замком. Книга не дёргалась, но от неё исходило давление, как от включенного аппарата в палате: не видно, но чувствуется.

Она протянула руку — не к книге, к замку. Металл был холодный, гладкий. На замке светилась тонкая руна, как замёрзший след на коже.

Тая не знала, как её открыть. И, честно, не хотела проверять на себе, что будет, если замок «обидится». Но рядом с замком, на камне, была крошечная выемка — словно кто-то постоянно нажимал туда пальцем. Привычка. Механика.

Тая достала из кармана тонкую шпильку, которую нашла в комнате, — не артефакт, просто кусок металла. Подцепила край руны на замке осторожно, проверяя сопротивление.

Руна не вспыхнула. Не ударила током. Просто стала тусклее, как если бы она перекрыла контакт.

Тая замерла. В голове включился протокол: осмотр → гипотеза → проверка.

Гипотеза: руна — «контактный датчик». Перекрыть —

значит обмануть замок. Проверка: если она обманет, то замок должен отщёлкнуться механически.

Она чуть сильнее надавила шпилькой.

Щёлкнуло.

Замок открылся.

Тая выдохнула коротко и сразу подняла взгляд: не услышал ли библиотечкарь, не идёт ли кто-то по лестнице. Тишина держалась. Только капли внизу продолжали отмерять время.

Она сняла цепь, осторожно, как снимают повязку с раны, и отодвинула книгу на стол у стены.

Переплёт был тёплым — не от воздуха. От себя.

Тая коснулась корешка. И книга щёлкнула.

Это был скорее укус, чем звук.

Из щели между страницами выскочил край переплёта, как челюсть. Бумага с хрустом сомкнулась на её пальце. Боль была резкая, чистая, как порез. Тая дернула руку, но зубы бумаги держали.

— Твою... — выдохнула она и прикусила язык, чтобы не добавить лишнего.

Кровь выступила на коже, тёплая, вязкая. Книга зашевелилась сильнее, цепляясь за её палец. Страницы шелестели, как крылья. Цепь на кольце над столом звякнула — книгу будто тянуло обратно, в крепление, но она упиралась.

Тая не стала бить по ней. Худший вариант: когда пациент кусает, бить пациента нельзя, нужно разжать захват. Книга — не пациент, но принцип оставался.

Она оценила механизм: «челюсть» закрывалась там, где переплёт тоньше. Значит, есть рычаг. Её надо найти, чтобы разжать.

Тая наклонилась ближе, игнорируя боль, и увидела на внутренней стороне переплёта маленький выступ — узелок, чуть толще остальных прожилок. Похож на нервный узел на сухожилии, который болит при нажатии.

Болевая точка.

Палец был зажат. Работать пришлось другой рукой. Тая положила большой палец на узелок и надавила резко, точно.

Книга дёрнулась. Страницы на секунду перестали шевелиться.

Тая усилила давление.

Из переплёта вырвался сухой скрежет, как из горла у человека, который не может вдохнуть. Челюсть распахнулась. Её палец выскользнул.

Тая отдёрнула руку и прижала ранку к ткани рукава. Кровь проступила сразу. Она сжала ткань крепче, чтобы остановить.

Книга обмякла на столе. Страницы лежали тихо. Переплёт стал почти обычным, только по прожилкам пробежал слабый холодок, как остаточное напряжение.

— Вот и договорились, — пробормотала Тая.

Она огляделась ещё раз. Никого.

Палец болел и пульсировал. Тая достала из кармана маленький флакон с зельем для обработки кожи, который успе-

ла прихватить после вчерашнего. Капнула на ранку. Запах спирта и полыни ударил в нос. Кожа обожглась. Тая стиснула зубы и не отдёргнула руку.

Она открыла книгу.

На первых страницах был хаос: символы, таблицы, список запретов, заметки на полях. Где-то тянулись ряды дат, и среди них Тая сразу заметила: «запрещено Советом». Слова были выведены жирно.

Она перелистнула ещё. Книга словно сопротивлялась: страницы цеплялись друг за друга, шелестели громче, чем нужно, как будто хотели привлечь внимание.

Тая остановилась на заголовке.

«Якорь».

Слово стояло ровно, без украшений, и от него тянуло холодом, как от металла в медицинской кладовой.

Тая читала быстро, выхватывая факты, как выхватывают показатели на мониторе.

Ритуал разделения боли. Запрещён Советом в 14 веке. Смертность — 100% для носителей каналов. Для «пустых сосудов» данных нет.

Тая перечитала последнюю строчку дважды, проверяя, не ошиблась ли в переводе.

Нет данных.

Не «вариант». Дыра в статистике, в которую обычно проваливаются люди, которым некуда идти.

Она снова посмотрела на «100%». Внутренний хирурги-

ческий голос произнёс сухо: если смертность 100%, то ритуал либо убивает всегда, либо его выполняют неправильно, либо он не предназначен для таких организмов.

Но слово «пустые сосуды» было рядом как отдельная ветвь. А она — пустой сосуд.

Тая обрубилась мысль. Сейчас она должна запомнить информацию, а не строить планы.

Она перелистнула страницу и увидела схему: две фигуры, между ними — линия, похожая на сосуд. Подписи говорили о переносе боли и «разделении отката». Тая проводила пальцем по линиям, и кожа на руке покалывала — не от магии, от того, что она слишком долго держала напряжение.

Сзади что-то тихо щёлкнуло.

Тая замерла и медленно повернула голову.

Между стеллажами стояла женщина.

Она не принадлежала ни к библиотекарям, ни к страже, ни к адептам.

Она была словно сделана из тени и света одновременно: кожа слишком ровная, глаза серебряные, без зрачков, как жидкий металл. Волосы тянулись темной волной, но не двигались от воздуха. Она не шла — просто оказалась там, где секунду назад было пусто.

Тая поднялась из-за стола, не резко, чтобы не спровоцировать. Внутри включился протокол безопасности: не делать лишних движений, оценить угрозу, держать руки на виду.

— Вы кто? — спросила Тая.

Женщина наклонила голову, словно прислушиваясь к словам, которые слышит не ушами.

— Ты победила не силой, а знанием, — сказала она.

Голос был ровный, без возраста. Не мягкий. Не жесткий. Как речь человека, который не привык объяснять.

Тая удержала взгляд на серебряных глазах. Ментальная магия, подумала она, и сразу же: внутри не было привычного «давления», которое описывали книги. Никаких попыток залезть в голову. Или она этого не чувствует, потому что пустой сосуд.

— Библиотека, — сказала Тая. — Я читаю.

— Ты читаешь то, что запрещено, — ответила женщина.

Тая не стала отрицать. Камень Правды тут был не нужен: её палец ещё болел от укуса книги.

— Я ищу информацию, — сказала Тая. — Чтобы не умереть здесь по глупости.

Женщина чуть приблизилась. Воздух рядом с ней стал холоднее — не ледяным, как у Валериона, а пустым, как в комнате без звука.

— Ты чужая, — сказала она.

Тая не моргнула.

— Да.

— И всё же книга отпустила тебя, — произнесла женщина, и серебряные глаза на секунду стали ярче. — Редко.

Тая подняла руку с ранкой.

— Она отпустила, потому что у неё есть болевая точка,

— сказала Тая. — Как у многих. Даже у тех, кто делает вид, что её нет.

Женщина смотрела на неё долго.

— Я — Имирель, — сказала она наконец. — Дух-храни-
тель Библиотеки.

Имя впечаталось сразу: оно могло стать ключом. Если у библиотеки есть дух, значит, есть правила. А с правилами можно договориться.

— Тая, — сказала она. — Я... адептка Мирана. По доку-
ментам.

Имирель не улыбнулась, но в воздухе рядом с ней что-то дрогнуло, как тонкая струна.

— Документы — для людей, — сказала она. — Библио-
тека хранит другое.

Медальон на груди потеплел. Не сильно. Как осторожное предупреждение.

— Я не хочу воровать, — сказала Тая. — Я хочу понять. Что со мной. Что с Валерионом. Что такое... Якорь.

Имирель посмотрела на открытую страницу. На слово «Якорь».

— Запрещено, — сказала она.

— Я прочитала, — ответила Тая.

— И всё равно хочешь, — произнесла Имирель.

Имирель произнесла это как факт.

Тая сжала пальцы на краю стола, чтобы не выдать, как тело реагирует. Под ногтями снова проступила тонкая боль — от

недавней крови, от недостатка нормальной воды, от того, что в этом мире даже мытьё рук стало привилегией.

— При смертности 100% — не вариант, — сказала Тая. — Но если для «пустых сосудов» нет данных... повод думать, а не прыгать в пропасть.

Имирель наклонилась ближе к книге, но не касалась страниц. От неё пахло пылью и холодным металлом — никаких духов.

— Ты врач, — сказала она.

Тая не поправила, не уточнила «хирург». Просто кивнула.

— Тогда слушай, — произнесла Имирель. — Библиотека не любит тех, кто берёт без цены. Ты уже заплатила кровью.

Тая перевела взгляд на свой палец. Кровь остановилась, осталась корочка.

— Сколько ещё? — спросила она.

Имирель подняла руку. В воздухе рядом с её пальцами появилась тонкая серебряная нить, как пыль в луче света. Нить коснулась страницы — не бумаги, не чернил, а самой идеи текста.

— Не пытайся повторить написанное, — сказала Имирель. — Не здесь. Не сейчас. И не одна.

По коже пробежал холодок. Не магия «волной». Скорее как предупреждение организма: опасно.

— Я и не собиралась, — сказала она.

Имирель посмотрела на неё так, будто проверяла, где заканчиваются слова и начинается выбор.

— Тогда бери то, что нужно, и уходи, — сказала она. — Пока Библиотека не решила, что ты — угроза.

Тая быстро пролистала страницу назад, выхватывая даты и формулировки, запоминая как можно точнее: «Совет», «14 век», «смертность — 100%», «для пустых сосудов данных нет». Она повторила про себя, как повторяют дозировку лекарства, чтобы не ошибиться.

И тут взгляд зацепился за иллюстрацию на следующем развороте.

Анатомический рисунок.

Не местная схема с каналами. Земная логика линий и мышц: грудина, ключицы, трахея, сосудистый пучок. Похожий на страницы атласа, который она держала в руках ещё в ординатуре, когда казалось, что тело — карта, которую можно выучить до последнего миллиметра.

Тая провела по рисунку пальцем, едва касаясь бумаги.

Внутри что-то сжалось — коротко, сухо. Не слезами. Не словами. Просто факт: там, на Земле, был её кабинет, её инструменты, горячая вода из крана и автоклав, который выдаёт стерильность, не требуя магии и договоров с духами.

Она убрала руку и быстро закрыла книгу, будто рисунок мог выдать её слабое место.

Имирель смотрела на неё без выражения.

— Ты теряешь один мир, — сказала она. — И пытаешься удержать другой.

Тая не ответила. Потому что ответом было бы слишком

много звуков.

Она поднялась, вернула цепь на книгу, защёлкнула замок и проверила: руна снова вспыхнула, когда металл встал на место. Книга дёрнулась один раз — слабее, будто запомнила пальцы, которые нашли её узел.

Тая взяла со стола обычный трактат по Флуксус Магикус и сунула под мышку: выходить с пустыми руками было подозрительно, хотя трактат и не был главным.

— Имирель, — сказала она. — Вы... появляетесь всегда?

— Когда Библиотека считает нужным, — ответила Имирель.

— Тогда, — Тая задержала слово, — я ещё вернусь.

Имирель не ответила сразу. Потом сказала:

— Возвращайся с вопросом, а не с жадностью.

Тая кивнула и пошла к лестнице.

Спускаясь, она чувствовала, как палец ноет, как после глубокого пореза. Тело уже готовило воспаление — привычная земная физиология, которая не спрашивает, в каком мире ты оказалась. Она прижала палец к ткани и мысленно поставила себе задачу: найти нормальное средство для обработки ран и понять, что у них считается «стерильным».

Внизу в зале библиотекарь всё так же сидел за стойкой. Он поднял глаза на книгу у неё под мышкой, на кровь на пальце, на амулет-пропуск и сделал вид, что ничего не заметил.

Тая прошла мимо и уже у двери ощутила, как медальон на груди становится теплее.

Тепло не походило ни на предупреждение, ни на отклик на шаги Валериона.

Тепло шло изнутри, как будто под металлом загорелся маленький уголь.

Она остановилась, сунула руку в карман — проверить амулет-пропуск на месте.

И почувствовала другое.

В кармане вибрировало зеркальце.

Зеркальце уже не дрожало — оно вибрировало плотно, как зубная боль, отдающая в кость. Края нагрелись так, что кожа на пальцах дёрнулась.

Тая сжала его сильнее, инстинктивно, и почувствовала, как жар обжигает ладонь.

Связь пробивалась.

Глава 7

Тая

Зеркальце жгло ладонь даже через ткань кармана.

Камень Академии вокруг держал ночную прохладу, коридоры пустели, руны светили тише, словно тоже уходили спать. Тая дошла до своей комнаты в крыле лорда-ректора быстро, не задерживаясь ни у окон, ни у ниш со статуями. Тень стражника в конце галереи даже не двинулась — амулет-пропуск решал за неё вопросы.

Дверь закрылась, замок щёлкнул. Тая прислонилась спиной к дереву и на секунду перестала держаться.

В ладони продолжало зудеть, как под кожей при ожоге. Зеркальце вибрировало — мелко, настойчиво, отдавая в кость. Так дрожит телефон на столе, когда ты не берёшь трубку и оно уже почти злится. Только здесь телефонов не было.

Она достала зеркальце.

Небольшое, плоское, в простой оправе. Никаких кнопок. Только холодная поверхность и тонкая резьба по краю, похожая на сосудистую сетку. Резьба стала тёплой — не от пальцев, изнутри. В центре стекла пробежала едва заметная дымка, как от дыхания.

Зеркало Связи.

Имирель не произносила название вслух, но слова из глос-

сария уже жили в голове, как ярлыки на полках. И цена — тоже. Кровь из носа. Мигрень. Риск отслеживания Советом. Риск.

Слово легло на язык тяжело. В этот момент хотелось другого — не риска, не новой информации, не очередной войны. Хотелось горячей воды, электрического света, белой кафельной ванной и чашки кофе, который пахнет нормально, а не травами и железом.

Вместо этого была комната из камня и тёплый медальон на груди, который иногда бил вторым ритмом, не её.

Тая положила зеркальце на стол и сняла амулет-пропуск. Металл тут же перестал давить на кожу. Она проверила задвижку на двери ещё раз и только потом подошла к узкому окну. Там не было города. Только темнота двора, слабый свет рун на арках и дальний гул — будто под Академией работал огромный механизм.

Она вернулась к столу, села и положила ладони на колени. Дыхание выровнялось не сразу. Живот был пустым, как перед операцией, когда ты уже в перчатках, но скальпель ещё не взял.

— Пять минут, — пробормотала она себе. — Быстро. По делу. Без истерик.

Медальон-сердце под рубашкой потеплел, словно услышал.

Тая взяла зеркальце обеими руками. Стекло было прохладным и гладким. Она провела большим пальцем по резь-

бе — по «сосудистой» линии — и задержала его на маленьком выступе, который раньше не замечала. Выступ отозвался мягким щелчком, как кнопка под кожей.

В голове вспыхнула белая точка.

Боль ударила в центр лба и разлилась к затылку тяжёлым давлением, будто глаза вдавливало изнутри. Тая стиснула зубы. В ушах зашумело, как при слишком резком подъёме.

Зеркальце нагрелось. Резьба по краю стала почти горячей.

На поверхности стекла появилась полоска света — тонкая, как рассветная линия на горизонте. Полоска расширилась, и вместо её собственного отражения проступила комната.

Земная.

Она узнала её раньше, чем увидела детали. Угол кухни. Свет лампы под шкафчиком. Белая плитка у раковины. На столе — кружка с логотипом больницы, знакомая до смешного. И на фоне — чужая фигура в её старой футболке.

Мирана.

В её теле.

Мирана наклонилась к зеркалу так близко, что на секунду показались только глаза — большие, тревожные. Камера на видеосвязи на Земле выглядела бы точно так же, только здесь не было камеры.

— Тая? — выдохнула Мирана. — Ты... слышишь?

Голос пришёл глухо, через толщу воды, но смысл был чистым. Медальон-переводчик не вмешивался. Прямой мост.

Тая открыла рот и почувствовала, как в горле пересохло.
— Слышу, — сказала она и тут же пожалела о слове: голос получился хриплым, чужим, но неважно. — Ты в порядке?

Мирана смотрела на неё, и на секунду в её взгляде мелькнуло что-то похожее на облегчение, потом всё снова сбилось.

— У тебя кровь... — Мирана подняла руку к своему лицу, будто могла вытереть не себя, а её. — У тебя кровь! Ты в порядке?! Это магия?!

Тая провела тыльной стороной ладони под носом.

Пальцы стали влажными и тёплыми. В нос ударил металлический запах, знакомый до скуки: кровь. Во рту появился привкус меди. Голова продолжала давить, будто череп стянули ремнём.

— Цена связи, — сказала Тая. — Не трогайся. Смотри на меня. Дыши.

Она сама звучала как врач на вызове. Привычка забирала управление, когда телу больно.

Мирана послушно вдохнула, выдохнула. Её плечи опустились на миллиметр.

— У тебя там... опасно? — спросила она тихо. — Ты где?

Тая почти сказала «в Академии магов», потом остановилась. Слова — сигнал. Даже здесь. Даже если всего лишь зеркало.

— Я... далеко, — сказала она. — Слушай. Вопрос по делу. Ты оперировала?

Мирана так резко замотала головой, что в кадре качнулась

лампа.

— Нет! Нет, конечно! — она дернулась, будто её ударили.
— Я... я взяла больничный. Сказала, что у меня... панические атаки. Это правда, кстати. Я боюсь крови. Я вообще не понимаю, как ты это делала каждый день.

Тая прикрыла глаза на секунду. За веками вспыхнули белые искры. Мигрень не отпускала.

— Хорошо, — сказала она. — Значит, никто не пострадал. Слушай дальше. У тебя дома... всё нормально? Никто не приходил?

Мирана сморщила нос.

— Приходили из работы... твои... коллеги, — она запнулась, будто боялась произнести лишнее. — Спрашивали, где ты. Я сказала, что ты в отпуске, по приказу главврача. Сказала, что ты выгорела. Они... поверили. Почти.

«Почти» кольнуло, как красный флажок. Тая заставила себя не думать дальше — сейчас времени не было.

— Хорошо сделала, — сказала она. — Держи эту линию. И... Мирана. Скажи честно. Ты... хочешь назад?

Мирана отвела взгляд, и Тая увидела знакомый угол кухни, где стояла её кофемашина — как трофей. Рядом лежали ключи, её связка, и на ней — маленький брелок в виде скальпеля. Всё было на месте, как будто Тая просто ушла на смену.

Мирана снова посмотрела в зеркальце.

— Я... — она сглотнула. — Я боюсь. Но... я не хочу туда,

где ты. Я бы там умерла на второй день. А здесь... я не знаю. Здесь всё... проще.

Тая хмыкнула без улыбки.

— Проще, — повторила она. — Да.

Мирана вдруг оживилась, будто вспомнила главное, и наклонилась ближе.

— Слушай, Тая... — она заговорила быстро, потом сбилась. — У меня тут... появился парень. Ну... не парень. Просто... человек. Твой коллега. Мы просто общаемся. Он приносит продукты. Сказал, что ты выглядела так, будто тебе надо отдохнуть. Он... нормальный. Ты не злишься?

Слова «твой коллега» ударили в грудь тупо и странно. Это была не ревность, а осознание: её жизнь на Земле уже двигалась без неё — и быстрее, чем хотелось бы.

Тая провела пальцем по краю зеркала. Резьба обжигала. В висках стягивало сильнее. По спине стекла холодная капля пота.

— Живи, — сказала она. — Хотя кто-то счастлив.

Мирана распахнула глаза.

— Ты правда... не...

— Нет, — отрезала Тая. — Мне всё равно. Просто... будь осторожна. И не делай глупостей. И не подписывай ничего. Никаких документов, никаких заявлений. Если будут давить — уходи в отказ, ссылайся на больничный.

Мирана кивала слишком часто.

— Хорошо. Да. Я поняла. А ты... ты вернёшься?

Тая посмотрела на своё отражение — точнее, на чужое лицо в стекле. На нитку крови под носом, на усталость в глазах, которые были не её. На медальон на груди, который держал её здесь, как якорь.

Слово «Якорь» всплыло слишком вовремя и слишком некстати.

— Не знаю, — сказала она честно. — Слушай меня. Если связь оборвётся — не пытайся снова сама. Поняла?

— Почему? — голос Мираны дрогнул.

Тая не сказала «Совет». Не сказала «отслеживание». Не сказала «они убьют меня». Она сказала проще:

— Потому что больно. И потому что опасно.

Мирана снова кивнула.

— Хорошо... Тая... — она задержала взгляд на крови у неё под носом. — Ты... вытирай.

Тая выдохнула. Слова стали вязкими. Голова тяжело тянула вниз. Зеркальце нагревалось всё сильнее, будто металл под стеклом разогревали изнутри.

— Мне пора, — сказала Тая. — Слышишь? Пора.

— Подожди! — Мирана вдруг подняла руку. — Я... я хотела спросить... ты там одна?

Тая открыла рот, чтобы ответить «нет», но в коридоре за дверью раздался звук.

Это были не шаги и не стук.

Сухой треск — как ломается тонкое дерево.

Тая замерла.

Дверь дрогнула.

Она вскочила, зеркальце в руках дрогнуло вместе с ней, и мигрень вспыхнула ярче, как ответ на резкое движение. Кровь из носа потекла быстрее, согревая губу.

— Тая? — Мирана испугалась. — Что там?!

— Тихо, — сказала Тая. — Молчи. Не двигайся.

Дверь распахнулась.

Не от того, что кто-то толкнул её плечом. Воздух в комнате сжался и отпустил замок, как пальцы отпускают металл. Мгновение — и створка отлетела в сторону так, что стукнулась о камень.

На пороге стоял Валерион.

Он вошёл не шагом — присутствием. Холод заполнил комнату мгновенно. На столе под зеркальцем тонко звякнула чашка — стекло отозвалось на перепад температуры. У Таи на коже предплечий поднялись бугорки, как от ледяной воды. В нос ударил озон и мокрое железо.

Валерион посмотрел на неё. Потом — на зеркальце.

Его взгляд не задержался на крови у неё под носом. Не на её руке, сжатой на тёплом металле. Не на её босых ногах на камне. Он смотрел в зеркало.

И увидел там Мирану — девушку в её земной кухне, в её теле.

Мирана, наоборот, увидела его.

Тая видела, как у Мираны расширяются глаза. Как она отступает на шаг, упираясь спиной в кухонный стол. Как её ру-

ка поднимается к груди — защита. Как у неё дрожат пальцы.

— Кто это? — выдохнула Мирана, и голос прозвучал одновременно и там, и здесь, как эхо.

Валерион не ответил.

Он сделал ещё один шаг, и холод вокруг него стал плотнее. Руны под штукатуркой в комнате вспыхнули, отвечая на его присутствие. Воздух на секунду стал тяжёлым, как перед грозой.

— Закрой, — сказал он тихо.

Он обращался к Тая.

Тая не двинулась: мозг слишком быстро считал варианты.

Закреть — значит оборвать связь. Оборвать — значит потерять возможность говорить с Землёй. Но держать зеркало открытым — значит дать ему смотреть дальше. И, возможно, дать кому-то ещё смотреть через него.

— Валерион... — произнесла Тая, и слово «милорд» застряло в горле. — Это не то, что...

— Закрой, — повторил он.

Голос был ровным. В нём не было крика. Хуже. Как приказ в лазарете перед остановкой сердца: делай, или пациент умрёт.

Тая перевела взгляд на зеркальце. Края раскалились. Руки дрожали. Ногти впились в металл.

— Мирана, слушай меня, — сказала Тая быстро. — Сейчас связь оборвётся. Ты ничего не делай. Поняла?

— Тая! — в глазах Мираны стояли слёзы. — Тая, кто этот

мужчина?! Это... опасно?!

Тая не успела ответить.

Валерион шагнул ближе и одним движением захлопнул дверь — не руками, воздухом. Створка ударилась о косяк, и по комнате прошёл короткий толчок. Следом Валерион поднял ладонь, и вокруг двери лёг Купол Тишины.

Звук исчез.

Звук не приглушился — исчез. Даже собственное дыхание стало почти неслышным, как в ватном коконе. Мир сузился до комнаты, холода и зеркальца в руках.

Зеркало Связи вздрогнуло.

На его поверхности пробежали тонкие трещины света — не по стеклу, по связи. Мирана в отражении дернулась, попыталась сказать что-то ещё, но звук не дошёл. Её губы шевелились в немом крике.

Тая стиснула зубы.

Голова разорвалась вспышкой боли. В висках ударило так, что в глазах потемнело. Кровь из носа пошла сильнее, тёплой струйкой по губе и подбородку. Тая проглотила металлический привкус.

Зеркальце погасло.

Отражение Земли ушло мгновенно, словно кто-то выключил экран.

Тая стояла, глядя в своё чужое лицо в стекле. Плечи были напряжены. Ладони дрожали. Мир молчал внутри Купола Тишины, и от этого было страшнее, чем от крика.

Валерион смотрел на неё так, будто видел впервые. В его взгляде не было ни нежности, ни жалости. Только холодный расчёт и что-то ещё — как у человека, который только что нашёл трещину в стене, на которую опирался.

Он медленно поднял правую руку.

На коже запястья проступила тонкая вязь — серебряная, холодная, как иней. Линии сложились в знак, который жил и двигался, словно по нему текла жидкость. От руки пошёл слабый запах озона, резкий, чистый.

Заклинание правды.

Тая сглотнула. В горле было сухо, будто она глотала песок. Кровь щекотала губу, но она не вытирала — руки всё ещё держали зеркальце.

Валерион сделал шаг ближе. Между ними осталось мало воздуха. Холод от него лёг на кожу, как тонкий металл.

Он произнёс тихо, почти без интонации, и слова внутри Купола Тишины прозвучали отчётливо, как удар по стеклу:
— У тебя минута. Соврёшь — уничтожу.

Глава 8

Валерион

Купол Тишины держал комнату так, будто камень вокруг стал мягким и плотно обернул воздух.

Валерион стоял напротив адептки Мираны — или той, кто называл себя Таей, — и видел мелочи, которые в другой обстановке не имели бы значения: кровь на её верхней губе, тёплый след на подбородке, дрожь пальцев, сжатых вокруг Зеркала Связи. У зеркала уже не было чужого света. Оно стало обычным стеклом, но края по-прежнему отдавали жаром, как металл после удара молнии.

Минуту он дал не из милосердия.

Минуту он дал себе.

Если она соврёт — Камень Правды нагреется. Если скажет правду — у него появится новый долг, от которого не уйти ни силой, ни титулом.

Заклинание правды на его запястье дышало холодом. Серебряная вязь шевелилась под кожей, словно тонкая сеть льда, которая ещё помнит форму воды.

— Говори, — сказал Валерион.

Она прижала ладонь к носу — не театрально, просто чтобы остановить кровь. Пальцы оставили на коже красную полосу.

— Меня зовут Тая, — произнесла она. — Я хирург. С

Земли. Из другого мира. Я... оказалась в теле Мираны после того, как у меня был медальон. Сердце. Он дал перевод, он же... затянул меня сюда.

Слова легли без украшений. Не легенда для слушателей. Сухое перечисление фактов, как анамнез.

Валерион не принял их сразу. Он проверял каждую фразу телом: где она задерживает вдох, где пытается обойти острое. Она говорила ровно. Слишком ровно для лжи. И всё равно могло быть мастерски подготовлено.

— «С Земли», — повторил Валерион. — Название мира?

Она кивнула.

— Да.

Он дождался, когда её кровь перестанет капать, и только тогда двинулся к столу.

В его комнате всё было под контролем, даже в этой комнате — рядом с его покоем — оставались вещи, которые он держал на случай Совета. В ящике стола лежала небольшая шкатулка из тёмного дерева. Внутри — Камень Правды.

Он достал шкатулку и поставил на стол так, чтобы она видела.

Тая опустила ладонь, и на коже осталась красная полоска.

— Что это? — спросила она.

— Камень Правды, — ответил Валерион. — Он нагревается при лжи.

Она посмотрела на него так, будто камень был прибором. Не артефактом. Прибором, который можно проверить, ка-

либровать, отклонить.

— Вы используете его... часто? — спросила она.

— Достаточно, — сказал Валерион.

Он открыл шкатулку.

Камень лежал на бархате. Небольшой, серый, на первый взгляд обычный, но от него исходил тонкий холод, как от льда, спрятанного в ткани. Камень не светился. Он просто был. И этого хватало.

Валерион положил Камень Правды на стол между ними.

— Ты ответишь на вопросы, — сказал он. — Коротко. Да или нет. Где нужно — словами.

Тая чуть сдвинула зеркальце на край стола, будто освобождала рабочее поле.

— Хорошо, — сказала она.

Её согласие не звучало покорно. Оно звучало как выбор, сделанный на фоне отсутствия вариантов.

Валерион положил ладонь на стол рядом с Камнем Правды. Пальцы сжались, костяшки побелели. Боль под ребром держалась тихо, но упорно, как скрытая игла. Флукус Магикус внутри дёргался на каждое движение, как нерв на оголённом зубе.

Он не показывал этого. Пока.

— Ты шпионка? — спросил Валерион.

Тая моргнула один раз.

— Нет.

Камень остался холодным.

Валерион задержал взгляд на камне, будто проверял собственные ощущения. Нет нагрева. Значит, либо она не лжёт, либо нашла способ обмануть артефакт.

— Ты служишь Совету? — продолжил он.

— Нет.

Камень остался холодным.

— Ты знаешь Моргарта? — спросил Валерион, и имя он произнёс намеренно чётко.

Её брови чуть сдвинулись.

— Нет.

Камень не дрогнул.

Валерион на секунду ощутил, как под кожей шевельнулась вязь заклинания правды на запястье — не усиливаясь, просто напоминая о себе. Он убрал руку от запястья, чтобы не смотреть на это слишком явно.

— Ты можешь управлять моей магией? — спросил он.

Тая посмотрела прямо.

— Я не знаю, — сказала она. — Я не управляла. Я... касалась.

Камень остался холодным.

Честный ответ. Неполный — но не ложь.

Валерион наклонился ближе, и холод от его ауры слегка придавил воздух. Купол Тишины удержал это давление внутри, не выпуская наружу.

— Ты понимаешь, что сделала? — спросил он.

Тая выдохнула.

— Я остановила вам приступ. Временно. Как... обезболивание. Но я не знаю, почему.

Камень остался холодным.

Валерион скользнул взглядом по её ладоням. Кожа местами была красная, как после грубого мытья, на пальце — тонкий след укуса книги, уже подсохший. Она была аккуратна даже в мелочах. И при этом позволила себе рисковать, когда нужно.

Слишком последовательная для случайной приманки. Слишком непохожая на адептку Мирану, которую он помнил.

— Ты говорила с девушкой в зеркале, — произнёс Валерион. — Кто она?

— Мирана, — сказала Тая. — Хозяйка этого тела. Она... на Земле. В моём теле.

Камень остался холодным.

Слова ударили, как камнем по камню. Обмен душами. Слишком древняя формулировка для такой грязной, живой реальности.

Валерион не спросил «почему». Он спросил то, что важно, когда в комнате появляется оружие.

— Она может вернуться сюда? — спросил он.

Тая чуть сжала губы.

— Я не знаю. Я... не хочу, чтобы она пыталась. Ей будет... плохо.

Камень остался холодным.

Валерион отметил паузу перед словом «плохо». Не слабость. Осторожность.

— Зеркало Связи, — произнёс он. — Ты знала, что это оно?

— Догадывалась, — сказала Тая. — Сегодня впервые включила.

Камень остался холодным.

Он поднял взгляд на её нос. Кровь уже не текла, но под ноздрями оставался тёмный след. Цена связи. Этого он не мог игнорировать: любая иномировая магия оставляет след. А след — зовёт тех, кто умеет читать.

Валерион выпрямился.

— Ты понимаешь, что тебя отследят? — спросил он.

— Я понимаю, что риск, — сказала Тая. — Поэтому я сделала это в комнате, которую вы мне дали.

Камень остался холодным.

Прозвучало как упрёк, но не было им. Просто факт: она использует то, что он дал, по назначению — как укрытие.

Валерион убрал Камень Правды обратно в шкатулку и закрыл.

Купол Тишины продолжал держаться. За дверью могли стоять стражники, могли идти адепты, могла проходить любая жизнь — здесь оставалось только то, что он решит оставить.

Он сделал шаг ближе. Не чтобы прижать, а чтобы проверить себя. В этот момент Флукус Магикус отозвался тяну-

щей болью под ребром, а на кисти проступили темнее узлы вен — тонкая чёрная сетка, которая проявлялась при нагрузке.

Он сжал пальцы в кулак, пряча движение в складках рукава.

Тая заметила всё равно.

Её взгляд скользнул по его руке и задержался там, где он не хотел, чтобы кто-то задерживался.

— У вас снова начинается, — сказала она тихо.

В голосе не было трепета. В голосе было наблюдение.

— Всегда начинается, — ответил Валерион.

Она кивнула, будто приняла как постоянную величину.

— Я видела... чёрные вены, — сказала Тая. — В коридоре и в кабинете. Это связано с Флуксус Магикус?

Валерион не ответил сразу. Слова «чёрные вены» звучали слишком прямолинейно. Лекари называли иначе. Красивее. Лживее.

— Проклятие, — сказал он.

Тая не отступила.

— Проклятие — ярлык, — сказала она. — Мне нужны симптомы. Как часто приступы? Что провоцирует? Что облегчает?

Валериону захотелось оборвать разговор холодом, поставить её на место и напомнить, кто здесь лорд-ректор. И тут же возникло другое желание — позволить ей продолжить: её вопросы оставались единственной системой координат, в

которой ещё можно было найти выход.

Он выбрал контроль.

— Ты пришла ко мне не как адептка, — сказал Валерион.

— И не как лекарь. Ты пришла как чужая. Опасная.

— Я пришла как шанс, — ответила Тая.

Она подняла ладонь, показала короткий жест, будто фиксирует в воздухе линию.

— Я не умею вашей магии. Но я умею лечить механически, там, где магия бессильна или опасна. Вы... гниёте. Не образно. По симптомам. И если вы продолжите полагаться на давление и холод — закончится плохо.

Её слова были дерзкими. Но дерзость не была целью. Целью было заставить его слышать.

Валерион посмотрел на неё, и в груди снова потянуло. Флуksус Магикус дёрнулся так, будто слышал знакомое имя, хотя она не произносила ни ритуалов, ни формул. Просто стояла. Просто говорила.

— Ты не знаешь, что говоришь, — сказал он.

— Я знаю, что вижу, — ответила Тая. — И я знаю, что вы остановились от моего касания. Значит, есть механизм. Его можно изучить.

Слово «изучить» резануло его. Совет «изучал» людей так же, как некроманты «изучают» тела: быстро, до костей.

— Ты хочешь быть моим лекарством, — произнёс Валерион.

Тая не опустила взгляд.

— Я хочу выжить, — сказала она. — И я хочу, чтобы вы выжили, потому что без вашей защиты меня здесь раздавят. Взаимная выгода.

Чистая формулировка. Без клятв. Без высоких слов.

Валерион позволил молчанию растянуться. Он слышал только её дыхание и своё — тяжёлое, сдержанное. Боль под ребром не отпускала, но и не рвалась наружу. Тип 2. Скрытая боль. Хуже шторма: шторм хотя бы вырывается и заканчивается. Это тянулось днями.

Он подошёл к столу, взял шкатулку с Камнем Правды и убрал в ящик. Слова нужно было произносить уже без артефактов.

— Если ты действительно иномирянка, — сказал Валерион, — Совет не даст тебе жить.

Тая кивнула.

— Я уже поняла.

— Если ты действительно способна... гасить мой шторм, — продолжил Валерион, — Совет сделает из тебя оружие. Против меня. Против моего Рода.

Тая подняла бровь.

— Род — это... семья?

— Кровь и закон, — отрезал Валерион.

Он видел, как она делает выводы. Быстро. И как в её взгляде мелькает неприятное понимание: она уже вошла в чужую войну.

— Я не хочу быть оружием, — сказала Тая. — Я хочу быть

врачом. В нормальном смысле.

«Нормальном». Её мир имел свои нормы. Здесь «нормально» было другое.

Валерион сделал шаг ближе.

— Ты будешь жить в моих покоях под надзором, — сказал он.

Тая не дернулась. Только рот стал тоньше.

— Под надзором, — повторила она. — Не под замком?

— Под надзором, — подтвердил Валерион. — Тебя не тронут, пока ты под моей защитой. Но ты не будешь ходить, где захочешь. И ты не будешь открывать Зеркало Связи без моего ведома.

Тая посмотрела на зеркальце. Потом снова на него.

— Я могу согласиться на надзор, — сказала она. — Но у меня тоже есть условия.

Валерион слегка наклонил голову.

— Говори.

— Если вы сдадите меня Совету, — произнесла Тая, — я расскажу всем, что лорд-ректор зависит от иномирянки. Что ваша боль утихает от моего касания. Что вы не контролируете Флуksус Магикус.

Слова упали ровно. Без угрозы в голосе. Угроза была в содержании.

Валерион ощутил, как в груди тянет сильнее, как будто сама мысль о публичности бьёт по его системе. Он сжал пальцы до белых костяшек.

— Ты шантажируешь меня, — сказал он.

— Я боюсь, — ответила Тая. — Вы сказали: всё — сделка. Взаимное уничтожение, милорд. Если уж играть, то честно.

Он слышал в её голосе ту же сухость, что слышал у людей, которые в операционной говорят «скальпель» без эмоций. Она не наслаждалась этим. Она просто ставила границы.

Валерион удержал паузу, чтобы не выдать дрожь.

— Ты понимаешь, что этим подпишешь себе приговор? — спросил он.

— Я понимаю, что без контр-рычага вы в любой момент можете решить, что проще меня уничтожить, — сказала Тая. — И тогда мои шансы ноль.

Она не была наивной. Раздражало и... облегчало одновременно.

Валерион прошёлся по комнате, чувствуя, как боль под ребром держит его на короткой цепи. Он не мог позволить себе ещё одну слабость — и при этом уже получил её, когда увидел Зеркало Связи открытым.

— Ты требуешь слишком много, — сказал он.

— Я требую только возможность прожить следующий день, — ответила Тая. — И делать то, что умею.

Валерион остановился.

Снаружи, за куполом, мир продолжал идти. Внутри — он стоял перед выбором, который не был выбором между добром и злом. Выбор между контролируемым риском и хаосом.

Он повернулся к ней.

— Условие первое, — произнёс Валерион. — Ты не лжёшь мне. Никогда.

Тая чуть прищурилась.

— Сложно, — сказала она. — Потому что я не всегда знаю, как правильно говорить в вашем мире.

— Тогда молчи, — сказал Валерион.

Она кивнула.

— Условие второе, — продолжил он. — Ты не касаешься меня без моего разрешения.

Тая замерла, будто условие было неожиданным. Потом взгляд стал ровнее.

— Принято, — сказала она. — Но тогда в момент приступа вы должны дать разрешение. Иначе вы будете... терпеть.

Валерион чуть склонил голову.

— Я сам решу, что терпеть, — сказал он.

— Как пациент, который снимает повязку, потому что зудит, — ответила Тая. — И потом приходит с инфекцией.

Слово «инфекция» звучало не как местное. Но она больше не спотыкалась об это. Она сказала и не исправила — как будто решила: пусть так.

Валерион не стал цепляться к слову. Он цеплялся к сути.

— Условие третье, — сказал он. — Ты не открываешь Зеркало Связи без моего присутствия.

— Почему? — спросила Тая.

— Потому что за этим следят, — ответил Валерион. —

Потому что Совет умеет чутять иномировую магию. Потому что я не позволю им найти тебя через меня.

— Вы всё равно уже нашли меня, — сказала Тая.

— Я — не Совет, — произнёс Валерион.

Тая задержала взгляд на его лице, будто оценивала, насколько правда.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда моё условие: если вы решите, что меня нужно... убрать, вы скажете заранее.

Валерион вспомнил её условие из прошлой сделки. Он уже дал ей похожее обещание. Теперь оно становилось частью более опасного договора.

— Скажу, — произнёс он.

Тая медленно выдохнула.

— Тогда, — сказала она, — у нас сделка.

Валерион снял Купол Тишины одним движением пальцев. Звук вернулся сразу: далёкий гул коридоров, шорох камня, слабый звон где-то внизу. Комната стала частью мира снова, и почти неприятно.

Он подошёл к двери и сделал короткий знак стражнику снаружи, чтобы тот оставался на месте, но не входил. Потом вернулся к столу.

— Камень Правды подтвердил, что ты не лжёшь по основным вопросам, — сказал Валерион. — Не означает доверия. Означает отсрочку.

— Я не прошу доверия, — сказала Тая. — Я прошу условия работы.

Валерион посмотрел на её ладони.

— Ты выглядишь так, будто хочешь вымыть руки ещё раз,

— сказал он.

Тая дернула плечом.

— Всегда хорошая идея, — сказала она.

Он не улыбнулся. Но отметил: её «хорошая идея» совпадает с его «контроль». Значит, они способны иногда идти одной дорогой.

Валерион вытащил из стола чистую ткань и бросил на стол рядом с ней.

— Убери кровь, — сказал он. — И больше не открывай зеркало без разрешения.

Тая взяла ткань и вытерла нос осторожно, будто боялась снова спровоцировать кровотечение.

— А теперь, — сказал Валерион, — я озвучу твоё положение.

Она подняла взгляд.

— Ты не адептка, — произнёс Валерион. — Но для Академии ты ею будешь. Ты будешь жить в моих покоях — под надзором. Ты не будешь одна. Я не хочу тебя держать; просто любой одиночный шаг — и тебя заберут.

— Кто? — спросила Тая.

— Совет, — сказал Валерион. — Или те, кто работает на него.

Она чуть сжала пальцы на ткани.

— Тогда мне нужны книги, — сказала Тая. — И место,

где я могу работать. И доступ к вашим лекарям — хотя бы чтобы понимать, что у вас принято.

Валерион услышал в этом не просьбу. Перечень необходимого.

— Доступ ты получишь, — сказал он. — Но не ко всем. И не сразу.

— Взамен я помогу вам составить план обследования, — сказала Тая. — Как делается у нас... на Земле. Осмотр, анамнез, анализы — если здесь есть аналоги. И дальше — гипотезы.

Валерион слушал и уже мысленно разворачивал карту. Опасно: надежда всегда отнимает контроль.

— Ты говоришь так, будто я буду твоим пациентом, — сказал он.

— Вы и есть пациент, — ответила Тая. — Просто с титулом.

Её дерзость снова резанула, но в ней не было презрения. Была прямота.

Валерион подошёл ближе. Между ними осталось мало воздуха. Он видел тонкую каплю пота у неё на виске — не от жары. От боли и напряжения. Он чувствовал, как медальон на её груди отдаёт теплом в пространство — слишком живым для металла.

— Ты понимаешь, что если ты ошибёшься, — сказал Валерион, — цена будет не твоей карьерой. Цена будет моей смертью. И войной Рода.

Тая не отвела взгляда.

— Я понимаю, — сказала она. — Поэтому я не буду обещать результат. Только работу.

Валерион протянул руку.

Жест завершал договор, а не отдавал приказ.

Тая посмотрела на его ладонь, и на секунду он увидел, как она выбирает, где проходит её граница. Потом она вытерла руку о ткань ещё раз и вложила пальцы в его ладонь.

Кожа у неё была тёплая. Живая.

И боль под ребром — та, что тянула скрытно и упрямо — на секунду отступила, будто кто-то отжал пальцами воспалённый нерв и дал ему паузу.

Валерион задержал её руку дольше, чем требовалось для сделки.

Он ощутил, как Флюксус Магикус внутри не рвётся, не штормит. Просто... замирает. Как зверь, который услышал голос хозяина и решил подождать.

Он отпустил её не сразу.

Тая посмотрела на их руки и подняла на него глаза.

— Снова сработало? — спросила она тихо.

Валерион разжал пальцы медленно.

— Да, — сказал он. — И это делает тебя ещё опаснее.

Он взял со стола Зеркало Связи и накрыл его тканью, как накрывают острый инструмент, чтобы он не блестел в чужих глазах.

— Сегодня ночью ты спишь здесь, — сказал Валерион. —

Завтра Кассиан проверит, кто мог почувствовать всплеск. И завтра же ты начнёшь писать то, что знаешь о моём состоянии. Всё. Даже то, что кажется тебе мелочью.

Тая кивнула.

— А вы, — сказала она, — завтра не будете делать вид, что вам не больно.

Валерион посмотрел на неё долго.

— Я не делаю вид, — сказал он. — Я держу.

— Одно и то же, — ответила Тая.

Валерион повернулся к двери.

— Запомни, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты не пленница. Но ты и не свободна.

Он открыл дверь и сделал шаг в коридор. Холод за его спиной потянулся следом — привычка магии, которая всегда хочет занять больше места.

Перед тем как уйти, он сказал, уже тише:

— И если ты солгала хоть в чём-то... Камень Правды найдёт момент.

Тая не ответила сразу.

— Я не лгу, — сказала она наконец. — Я выживаю.

Валерион закрыл дверь.

И впервые за долгое время боль под ребром держалась не как приговор, а как отсрочка — короткая, купленная чужим теплом.

Глава 9

Тая

Утро в крыле лорда-ректора начиналось не с кофе, а с чужих голосов за дверью.

Тая проснулась от стука — не громкого, делового. Потом от того, что под дверью скользнул лист бумаги. Не письмо, не записка. Приказ.

Она подняла лист и прочитала — медленно, потому что местные обороты ещё цеплялись за мозг: «Адептка Мирана... временно назначается... приёмная... распоряжения выполнять...». Внизу стояла подпись, от которой у коридоров обычно менялась физика: Валерион Дархольд.

Она выдохнула через нос. Вчера ночью он сказал: «ты не пленница». Сегодня утром он назначил её туда, где пленников не держат — там держат рычаги.

Тая оделась быстро. Амулет-пропуск повесила на шею. Медальон-сердце лежал на груди тёплой тяжестью. Она уже понимала, что тепло — не всегда поддержка. Иногда повод прислушаться, не идёт ли рядом источник.

Приёмная лорда-ректора оказалась похожа на узел, где сходятся все сосуды Академии.

Камень здесь был светлее, потолок выше, руны ярче. На стенах висели списки — не бумажные, световые: тонкая вязь вспыхивала, менялась, гасла. На длинной лавке у стены си-

дели люди: магистры, стражники, служащие, адепты. У каждого был свой взгляд. Кто-то смотрел на дверь в кабинет, как на алтарь. Кто-то — как на добычу.

За столом приёмной стояла женщина-секретарь — сухая, бесшумная, с пальцами, которые двигались быстрее речи. На столе — стопки бумаг, печати, чернильницы, и маленький бронзовый колокольчик с руной у основания. Колокольчик не звенел. Он скорее дышал: свет в руне то разгорался, то уходил.

Секретарь подняла глаза на Таю, скользнула взглядом по амулету-пропуску, по медальону, по лицу. Не спросила имени.

— Садитесь, — сказала она. — И не трогайте ничего.

— Уже трогаю, — ответила Тая и села за край стола, не загораживая бумаги. — Мне нужен порядок. Что из этого срочно?

Секретарь моргнула.

— Всё срочно, — сказала она.

Тая посмотрела на лавку с ожидающими и на список рун на стене. Внутри включился знакомый режим: триаж. Срочно лишь то, что убьёт пациента за минуту; всё остальное — очередь.

Она вытянула к себе ближайшую стопку бумаг и начала читать заголовки, выхватывая смысл: «Запрос аудиенции», «Отчёт о безопасности», «Поставка двумерита», «Письмо Совета», «Жалоба магистра...».

Двимерит. Металл, блокирующий магию. У магов вызывает тошноту. Значит, не просто «поставка». Оружие. Или защита. Или и то, и другое.

Тая положила этот лист отдельно.

Письмо Совета — отдельно.

Жалобы — в конец.

— Вы кто? — спросил кто-то у лавки.

Тая подняла голову. Говорил мужчина в дорогом плаще с широким воротником. На пальце — массивный перстень. На лице — выражение человека, который привык, что ему отвечают сразу.

— Тот, кто решает, когда вы зайдёте, — сказала Тая.

Слова вышли ровно. Без улыбки.

Мужчина усмехнулся.

— Мне назначено, — сказал он. — Я — граф.

— Прекрасно, — ответила Тая. — Тогда вы умеете ждать.

Секретарь рядом издала звук, похожий на кашель, и опустила взгляд в бумаги. Тая поняла: согласие — или попытка не рассмеяться.

Она быстро составила себе структуру: три категории. Срочно (Совет, безопасность, двимерит). Важно (финансы, кадровые). Шум (оскорблённые графы, магистры, которые хотят доказать свою значимость).

Потом — расписание. Рунный список на стене реагировал на прикосновение. Тая дотронулась до края вязи — и строки дрогнули, раскрылись дополнительными полями. Время,

имена, причины. Как электронная очередь, только без экрана.

— Не трогайте, — повторила секретарь уже тише.

— Если не трогать, оно не заработает, — ответила Тая.

Она сдвинула два пункта местами: «Поставка» и «Жалоба». Руна вспыхнула, потом приняла изменение. Значит, система допускает корректировку. Не бог, а инструмент.

Лавка зашевелилась. Кто-то поднялся. Кто-то недовольно зашептал.

— Вы не имеете права менять расписание, — сказал граф.

Тая подняла глаза.

— Я имею право не дать вам умереть от скуки в ожидании, — сказала она. — Сядьте. Или уйдите.

Граф сделал шаг ближе. Его трость щёлкнула по камню. На набалдашнике — серебряная голова зверя, глаза из красного камня.

— Девочка, — сказал он мягко. — Вы забыли своё место.

Тая услышала слово «девочка» так, как слышат запах гнили в перевязочной: сразу и без вариантов.

Она поднялась из-за стола. Не быстро. Просто встала, чтобы смотреть на него сверху вниз не получилось.

— Моё место здесь, — сказала она. — Если вы не согласны — дверь вон там.

Граф улыбнулся, но улыбка была не для неё. Для аудитории.

— Я поговорю с лордом-ректором, — произнёс он. — И

он объяснит вам...

Он поднял трость.

Удар пришёлся по столу — демонстрация, привычка запугивать шумом.

Тая увидела движение заранее: плечо ушло назад, локоть поднялся. Она не отступила. Только ладонь положила на край стола — якорь для тела.

Трость пошла вниз.

Воздух в приёмной сжался.

Валерион ответил давлением воздуха. Трость зависла в сантиметре от дерева, будто её поймали невидимой рукой. Потом набалдашник хрустнул, и трость рассыпалась в пыль, как сгорающая бумага.

Пыль осела на камень серым следом.

Граф замер, рука осталась поднятой — пустой.

Дверь в кабинет лорда-ректора открылась без стука.

Валерион вышел на порог.

Он не говорил сразу. Его присутствие раздвигало людей, как вода раздвигается от корабля. Холод лёг на кожу, но мягко — не штормом, контролем. Руны на стенах приёмной вспыхнули и затихли.

Граф, который секунду назад был центром зала, стал человеком без трости.

— Милорд, — выдавил он и сделал шаг вперёд, пытаясь собрать достоинство. — Ваш персонал...

Валерион посмотрел на него.

И граф опустился на колени так быстро, будто ему выдернули ногу из-под тела. Не магия «волной». Давление воздуха. Камень под коленями отозвался глухим стуком.

Люди на лавке опустили глаза. Секретарь замерла, не дыша.

Валерион перевёл взгляд на Таю.

Она стояла рядом со столом, пальцы на краю дерева. Лицо спокойное. Внутри у неё всё было натянуто, как струна, но наружу не выходило.

Валерион подошёл к ней вплотную, не глядя больше на графа. И сделал жест, от которого в приёмной стало ещё тише: поправил ей воротник формы.

Жест был скорее территориальным, чем интимным.

— Её голос — это мой голос, — произнёс Валерион.

Слова прозвучали ровно и холодно. Не для неё. Для всех.

— Усомниться в ней — объявить войну мне.

Граф сглотнул. Глаза его были влажные — не от слёз, от того, что давление не отпускало.

— Милорд... — выдавил он.

— Вон, — сказал Валерион.

Давление исчезло. Граф поднялся, шатнулся, и его люди подхватили его под локти. Они ушли быстро, не оглядываясь, будто боялись, что воздух снова станет твёрдым.

Валерион повернулся к столу и посмотрел на бумаги.

— Что это? — спросил он, и вопрос был адресован сразу всему хаосу.

Тая не стала оправдываться.

— Триаж, — сказала она. — Срочное — сюда. Шум — туда. Если вы хотите работать, а не слушать обиды графов.

Секретарь подняла глаза и тут же снова опустила.

Валерион задержал взгляд на Тае. В его лице не было улыбки. Но в паузе было что-то похожее на согласие.

— В кабинет, — сказал он.

Тая взяла стопку «срочного» и пошла за ним. Приёмная осталась позади — и вместе с ней взгляды людей, которые теперь понимали: у адептки Мираны есть крышка, и крышка ледяная.

В кабинете пахло холодом и бумагой. На столе — те же руны, те же печати. Валерион сел, Тая осталась стоять.

— Сядь, — сказал он.

Она села. Положила бумаги аккуратно, как историю болезни на стол заведующего.

— Двимерит, — сказала она, указывая на один лист. — Поставка. Если это то, что блокирует магию, то риск. Кто заказывает?

Валерион посмотрел на лист и не ответил сразу.

— Запомни, — сказал он вместо этого. — Ты задаёшь вопросы правильно. Но не все ответы тебе можно иметь.

— Тогда вы хотите ассистентку или декорацию? — спросила Тая.

Валерион поднял взгляд. Холод в воздухе обозначился.

— Ассистентку, — сказал он. — Которая выживет.

Тая кивнула. Честно.

Она потянулась за следующим листом и увидела тонкую папку без печати, но с отметкой в углу: «личное». Бумага была старше, края потёртые.

— Что это? — спросила она.

Валерион посмотрел на папку, и на секунду в его челюсти мелькнуло напряжение.

— Отчёт, — сказал он. — О прошлом ассистенте.

Тая открыла папку.

Там было кратко. Без лишних слов. Как любят писать те, кто прячет ответственность в формулировках: «Состояние ухудшалось», «жалобы на слабость», «отказ от приёма пищи», «обморок», «летальный исход». В конце — причина: «истощение».

Тая прочитала, и от бумаги будто потянуло человеческим, а не магическим холодом.

Истощение. Слово, которым можно назвать и болезнь, и убийство, и выгорание, и слишком долгую жизнь рядом с тем, кто тянет воздух из комнаты.

Она подняла глаза на Валериона.

— Это случилось здесь? — спросила она.

— В этом крыле, — ответил он.

Тая не сказала «значит, я следующая». Она просто закрыла папку и положила обратно.

— Тогда у меня будет правило, — сказала она. — Я не работаю без отдыха. И без еды. И без сна. Если вы хотите,

чтобы я была полезна.

Валерион смотрел на неё долго.

— Ты ставишь правила, — произнёс он.

— Я ставлю границы, — сказала Тая. — Потому что у вас уже есть статистика.

Валерион не ответил сразу. Он отвёл взгляд к окну, где тонкий иней держался на краю стекла, хотя в комнате было не так холодно.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Границы будут.

Тая кивнула и снова взяла листы.

— Тогда продолжим, — сказала она. — Что вы хотите успеть сегодня, милорд? И сколько у вас... ресурса.

Слова вышли сухо. Но внутри у неё уже сложился вывод, который не требовал магии.

Если прежний ассистент умер от «истощения», то её держат рядом не потому, что она удобна.

Её держат рядом, потому что она расходник.

И теперь ей нужно стать не расходником, а необходимо-стью.

Глава 10

Тая

Н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.